

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

ИСТОК ЗЛА

Александр Афанасьев

Исток зла

Серия «Бремя империи», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2671035

Александр Афанасьев. Исток зла: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-52619-2

Аннотация

Российская империя, век XXI. Князь Александр Воронцов, направленный послом в Персию, неожиданно для себя раскрывает заговор в армейской верхушке, направленный против самого Государя. Опытный разведчик, он понимает, насколько это опасно для России в период, когда ее давний враг – Британская империя – начинает новый виток тайной войны, призванной подорвать русское могущество и влияние повсюду – и на Востоке, и в польских землях. Опаснейшим оружием британцев, помимо религиозной и националистической пропаганды, становится белая смерть – героин. Но русские не дремлют – спецназ готовит в Афганистане акцию возмездия против королей наркотрафика с применением самого современного оружия. В то же самое время в далекой Варшаве граф Комаровский попадает в сети, расставленные ненавистниками России...

Содержание

17 июня 2002 года	4
17 июня 2002 года	22
Пограничная зона, Виленский край	24
Передовой лагерь	30
САС	43
Кзаки	46
САС	49
Кзаки	59
САС	61
Кзаки	63
Сербы	64
Усташи	65
САС	68
Кзаки	69
САС	71
Группа поддержки	73
Сербы	74
Утро следующего дня	77
18 июня 2002 года	82
18 июня 2002 года	127
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Александр Афанасьев

Исток зла

Мы хотим, чтобы не было личного культа, идолопоклонства, чтобы каждый серб выпрямился и больше ни перед кем не ползал. Мы хотим, чтобы закончилась эра личного режима, черпающего силу в моральной слабости слабых людей.

Газета сербских радикалов «Одъек»

1903 год

17 июня 2002 года

**Висленский военный
округ, сектор «Ченстохов»**

Пограничная зона

Чета

Чета, или чѐта, сербское нерегулярное боевое объединение, была основой жизни сербской общины. Состоять в чете было почетно, не состоять – позорно. Тот, кто не состоял в чете – на внимание сербских девушек мог не рассчитывать.

Сложно объяснить обычному, простому человеку, что такое чета и почему люди состоят в чете. Казалось бы – русские

дали землю, есть какое-никакое хозяйство – что нужно еще? Живи и радуйся, как живут казаки – по сути, сербы-четники походили на казаков очень во многом. Но сербы шли мстить за свою родную землю, шли, зная, что впереди их ждут пули, убивали – и умирали. Оставшиеся в живых хоронили своих мертвых – и всё начиналось заново.

Сербский народ, если считать с поражения на Косовом поле, глотнул свободы совсем немного. Когда турок изгоняли с европейского континента, когда Османская империя разваливалась, чтобы впоследствии стать владением русского царя – получилось так, что сербские земли освободила армия Австро-Венгрии, а венский кесарь стал Великим воеводой Сербии. Поскольку в Австро-Венгрии была в ходу весьма значительная вольность – Сербия управлялась собственным императором, находившимся в унии с Веной.

Проклятьем Сербии стала династия Обреновичей. Король Милан был из тех королей, при упоминании о которых хочется сплюнуть. Шут и гуляка, игрок, совершенно безответственный тип, человек, который запросто мог проиграть в Монако большую часть государственной казны. Он не правил Сербией – он грабил Сербию, да так нагло, что окрики раздавались из Санкт-Петербурга, чему сербы были несказанно благодарны. В конаке¹ то и дело случались драки – королева колотила короля, король тузил королеву. Королевой Сербии была Наталья, дочь русского офицера, родом

¹ Конак – замок, дворец, в данном случае королевский дворец.

из Молдавии, она не раз пряталась в белградских домах от побоев мужа, и муж с дворцовой стражей, с напредняками ее разыскивал по всей столице. Не раз бывали и покушения – но все они сорвались, а заговорщики были казнены. В конце концов, король пошел войной на братскую, славянскую Болгарию, был побит и присвоил за это поражение себе титул фельдмаршала. Непостижимая мерзость эта, происходившая ежедневно и ежечасно на людских глазах, была до того ужасна и постыдна, что среди сербов находилось всё больше и больше людей, не веривших в божественную сущность королевской власти. В Белград, почувствовав благоприятную ситуацию, стали стекаться масоны и разные злоумышляющие.

Король Милан Обренович кончил совершенно омерзительным образом – он фактически продал свой престол, потребовав миллион золотых франков: проигрался в Монако. Деньги ему собирали всей Сербией, на престол же возвели его сына, слабоумного принца Александра. Воспитанный в безумии белградского конака, принц меньше всего был готов к тому, чтобы стать лидером Сербии, чтобы повести за собой сербский народ. Но он взошел на престол, и всё то, что было при его отце, повторялось при нем с еще большим размахом. Первым делом он нашел себе королеву – некую Драгу, толстую и некрасивую, свою бывшую няньку, побывавшую любовницей еще его отца. Милан, кстати, много раз навещался в Сербию, вымаливал там еще денег – опять проигрался

– ему эти деньги давали, просто чтобы отвязаться.

Результат был известен. Это случилось в ночь на двадцать девятое мая тысяча девятьсот третьего года. Большая группа офицеров, ведомая неким поручиком Драгутином Дмитриевичем, или Аписом, как он себя называл, ночью после данного в конаке спектакля ворвалась туда, преодолев упорное сопротивление телохранителей короля. Они застрелили его и Драгу, а их тела выбросили на мостовую под окнами конака. Это ознаменовало собой новый этап развития Сербии и новый этап трагедии, которая разыграется в ней совсем скоро.

На престоле утвердилась династия Карагеоргиевичей. Король Петр, бывший уже в годах к моменту восхождения на престол, имел наследников: младшего, принца Александра, который учился в Санкт-Петербурге и по духу был почти русским, и старшего, принца Петра. Впоследствии принц Петр забьет в гневе слугу и будет под давлением аристократов лишен права на престолонаследие. Однако Сербия к тому моменту станет первой страной в мире, где власть де-факто захватит террористическая организация.

Надо понять, почему это произошло, причем произошло в самом центре Европы. Сербия – это страна, народ которой прожил пятьсот лет под игом Османской империи, и ни один живущий по соседству христианский народ не помог ей освободиться. За века иноземного ига сербский народ привык жить в подполье, привык к постоянному сопротивлению

власти, привык к тому, что револьвер – это лучший закон, привык, что детей отбирают, а потом они возвращаются уже янычарами. Он привык к тому, что власть или чужеземна, или продажна, что лучший суд – это самосуд, и ко многим другим вещам, которые в Европе казались невысказанными. Надо сказать, что выдвигаемый венскими кесарями тезис о природной уголовной сущности сербов не нашел своего подтверждения – в Российской империи они не участвовали ни в одном умышлении против власти и не совершили ни одного террористического акта.

По воспоминаниям очевидцев, в те дни Белград сотрясался от стрельбы. Стреляли все, в том числе старики, женщины, дети. Крупнейший тир был в городском парке, там «развлекались» многие высшие чиновники и министры. Стрелял и некий Гаврила Принцип – неудачливый, близорукий чахоточный студент, у которого потом хватит меткости расстрелять наследника австро-венгерского престола и его супругу, графиню Хотек, поставив весь мир на порог войны².

В Белград хлынули шпионы. Русские, австро-венгерские, итальянские, но больше всех британские. Британские! Обогранные кровью многих королевских династий руки британских спецслужб оставили свои грязные отпечатки почти на любом крупном мятеже или революции в Европе девятнадцатого – начала двадцатого веков. Шпионы ходили по белградским улицам. Приподнимали вежливо шляпу, заведя

² В этом мире мировая война началась позже и с другим составом участников.

коллегу. Учились стрелять.

И ждали...

Террористических группировок (можно сказать, что и патриотических, но террористическую их сущность это не отменяет) было две. «Черная рука» – организация республиканцев, ратующая за возрождение Великой Сербии во главе с убийцей последнего из Обреновичей, Александра, – поручиком Дмитриевичем (уже полковником и начальником разведки), и «Белая рука» – организация боевиков (в те времена в Сербии все были боевиками), поддерживаемая премьер-министром Николой Пашичем.

В двадцатом году премьер Пашич был убит, автомобиль, ехавший под охраной, был взорван вместе с одним из мостов³. Расследование этого инцидента, вопиющего по своей сути, не успели даже начать – началась мировая война. К счастью для сербов, Австро-Венгрия воевала на стороне Российской и Германской империй, Россия всегда позиционировала себя защитницей интересов сербов на Балканах, и

³ В нашем мире «Белая рука» победила «Черную», Дмитриевич был расстрелян после суда и пыток в Греции. Но династию Карагеоргиевичей это не спасло – в 1934 году был убит болгарами, связанными с усташами, король Александр. Регент Павел вел прогерманскую политику, его свергли. По достижении совершеннолетия последний из монархов Югославии, Петр, объявил о намерении заключить договор о дружбе с СССР и обрек страну на вторжение Гитлера. Все время ВМВ в Югославии шла война – не только против оккупантов, но и между двумя группами сопротивления – коммунистической, во главе с Тито, и монархической, во главе с генералом Михайловичем. Тито победил, Михайлович был казнен, а король Петр умер в 1970 году в САСШ.

поэтому никаких карательных мер против сербов предпринято не было – дабы не разлаживать и так непрочное согласие между союзниками. Австро-Венгрия попала в континентальный союз, в общем-то, случайно: в отличие от России и Германии, которым нечего было делить, у России и Австро-Венгрии претензии друг к другу были. Австро-Венгрия жадно посматривала на большую часть Польши, заодно и на Малороссию – это несмотря на то, что русскими войсками был в свое время подавлен сепаратистский мятеж в Венгрии. Во время войны Австро-Венгрия не внесла никакого особого вклада в общую победу: колоний у нее не было, ни в Восточном, ни в Африканском походах ее армия не участвовала, и всё свелось к бессмысленному и позорному противостоянию «Австро-Венгрия – Италия». Позорному – потому что оба извечных соперника в этом противостоянии покрыли себя позором, проявив свою слабость, слабость как армии, так и флота. Слабость Австро-Венгрии привела к тому, что в континентальном союзе она стала единственной страной, которая по результатам войны понесла территориальные потери: почувствовав слабость государства, от Австро-Венгрии откололась индустриальная Богемия, моментально переметнувшись к Священной Римской империи и заключившая с ней вассальный договор. Тогда же значительная часть сербов, видя всё безумие и мерзость войны с Италией, пошла служить в русскую армию и не вся вернулась на родину, когда закончилась война. Позже это явление получило назва-

ние «Первый исход».

Террор, организованный Дмитриевичем, приобретал всё более опасные формы: «Черная рука» явно побеждала «Белую», монархическую, становилась опасной для властей не только в Белграде и Вене, но и по всей Европе. В двадцать пятом году в Белграде совершенно открыто прошел первый всемирный конгресс масонов – опасной, запрещенной во многих странах межнациональной организации, ставящей целью подрыв существующего миропорядка. Корни современных масонов крылись опять-таки в Великобритании, в так называемом «Обществе золотой зари», но всё большее и большее значение приобретали североамериканские масонские ложи. В Новом свете масоны чувствовали себя более уверенно, чем в Старом: их опыт интриг и создания заговорщических организаций был востребован в Новом свете как нигде. Новый свет становился кузницей политических технологий: власть там не устанавливалась, а избиралась, и поэтому нужны были технологии, позволяющие управлять большими массами людей, голосующих на выборах. Их предоставляли масоны. В Старом же свете по всему континенту бродил призрак революций, террора, анархизма, большевизма. Происходили террористические нападения. Был убит венский кесарь, свершили покушение на монарха Италии, потом и на немецкого кайзера. Непокойно было в России.

В этот же момент на многострадальной балканской зем-

ле появилась новая сила, тоже националистическая и тоже террористическая. На Балканах вообще было слишком много «великих наций» и слишком мало земли. Если Дмитриевич решил создать «Великую Сербию», то стоит ли удивляться тому, что некий адвокат из Загреба по имени Анте Павелич решил создать «Великую Хорватию». Организация усташей, которую он создал, почти сразу же переплюнула «Черную руку» по жестокости. В отличие от «Черной руки», свершающей террор против властей, усташа Павелича взяли курс на геноцид сербского народа в целом. Павелич собрался решить сербскую проблему, уничтожив целый народ до последнего человека. В этом ему помогли итальянские и венские власти – когда кто-то предлагал решить сербскую проблему, причем неважно как – власть Балкан относилась к этому с большим вниманием. В короткое время, на вербовав в усташа больше сотни тысяч человек, обучив и вооружив их за счет итальянской и венской казны, Павелич стал представлять угрозу уже всему региону: Голем вышел из-под контроля.

Сербский исход свершился в тридцать шестом, когда новый наследник венских кесарей решил столкнуть лбами сербов и хорватов, реализуя давний принцип британской политики: разделяй и властвуй. Додумался до этого он не сам: помог британский посол. Австро-Венгрия вообще почти сразу же после замирения и Берлинского мирного конгресса де-факто откололась от континентального союза, проводя свою

политику: непоследовательную, лживую и циничную.

Завершившаяся крахом операция «Голубой Дунай», приуроченная к смене династии на русском троне, не только обернулась массовым геноцидом и исходом сербов с родной земли, она ознаменовала окончательный раскол континентального союза. Россия предъявила ультиматум Австро-Венгрии и получила в итоге больше миллиона новых подданных, таких же славян, вдобавок испытывающих благодарность за спасение от верной гибели. Австро-Венгрия избавилась от сербов, но обрела новую проблему: усташей Павелича, который демонстративно навещал итальянского премьера Муссолини в Риме и угрожал Вене повторением событий в австро-венгерской Богемии: отторжением всего юга империи и созданием Великой Хорватии. Священная Римская империя в этом случае ничего не получила, но ничего и не потеряла. Германцам хватало проблем и в Европе и в Африке, они заглотили кусок гораздо больший, чем могли съесть, и теперь лихорадочно пытались им не подавиться, выстраивая новую европейскую архитектуру и договариваясь со всеми, кто только желал этого договора⁴.

В отличие от Австро-Венгрии, в России четники постепенно превратились в нечто вроде казаков, не в террористов, но в охранителей порядка и режима. Государство выделило им земли в беспокойных местах: в Висленском крае и на

⁴ К концу двадцатого века Европа представляла собой нечто вроде ЕЭС в его изначальном составе, но со столицей в Берлине и гораздо более устойчивое.

Восточных территориях. Однако это были свои земли, которых у сербов давно не было, и было оружие, которое разрешили носить легально. Сербь поселились в благодатных землях Османской империи, недалеко от Константинополя, вдоль побережья Черного и Мраморного морей, встали на хозяйство. В Висленском крае часть поляков переселили в глубь России, многие переселились сами, не желая жить в постоянном страхе перед рокошем⁵ и потерей всего нажитого, на Волге и Урале образовались целые польские города – сербы в основном поселились по границе, где спокойно отродясь не бывало. До сих пор сербы ощущали угрозу, в сербских семьях было намного больше детей, чем в русских, мальчиков отдавали в кадетские корпуса, юношей – на армейскую службу, чтобы росли защитники. Историческая память о геноциде была жива, каждый серб помнил о прошлом.

Тогда же, в пятидесятых, когда окончательно стало понятно: мировая война за передел сфер влияния откладывается на неопределенное время из-за появления у всех основных действующих лиц ядерного оружия, все мировые державы начали усиливать работу спецслужб друг против друга. Возникло такое понятие, как «разложение тыла», когда основой стала «война без войны», работа на возбуждение недовольства в стане противника. Любая империя не может быть мононациональна, в ней всегда имеются малые народы и на-

⁵ Рокош – неповиновение, мятеж.

родности, и в этом ее уязвимость. На брожение, на откол от целого, на бунт была направлена новая стратегия войны. Оружием Австро-Венгрии в этой войне стали поляки, ибо небольшая часть Речи Посполитой с крупным городом Краковом оказалась во владении венских кесарей. Венская династия моментально извинилась перед поляками за погромные рейды усташей Павелича, за сожженные костелы и заживо сгоревших в них ксендзов и моментально стала главным радетелем за создание новой Речи Посполитой с отторжением от Российской империи Висленского края, балтийского побережья, Малороссии. Российская империя в ответ вновь заявила об ответственности за состояние дел на Балканах, подняла тему о геноциде сербов и поляков в Австро-Венгрии и заявила о том, что поддерживает идею Югославянской свободной федерации, со включением в нее земель Сербии, Хорватии, Македонии. Сербские четы, и так не слишком порицаемые – на кого-то же надо опираться в кипящем польском котле, – стали почти легальными, с незначительными ограничениями.

Сами же сербы за прошедшие годы в значительной мере восстановили свою численность, подорванную геноцидом, и стали довольно грозной силой, не такой, как казаки, но способной защитить себя в любой ситуации. Почти каждый мужчина-серб, которому позволяло здоровье, отслужил в армии, стрелять учились и женщины – у сербов, в отличие от казаков, женщинам дозволялось принимать участие в боях.

В каждом селении была территориальная структура самообороны, имевшая на вооружении даже пулеметы. Многие четники, живущие в пограничной зоне, имели опыт хождения «на ту сторону» – а это означало умение часами недвижно лежать на мертвой полосе, маскироваться так, чтобы не заметил проходящий мимо патруль и не унюхала собака, пролезать на ту сторону, подобно кротам, по многокилометровым подземным норам. А иногда с той стороны ждал луч фонаря в лицо и крик «Хальт!».

В этом приграничном селении всё было, как в других – за исключением того, что рядом стояли казаки. Казаки к сербам относились по-разному, кто-то помогал, кто-то отпихивал в сторону: «не мешайтесь», у кого-то можно было купить трофейное оружие. Но здесь и сейчас чета впервые шла на соединение с казаками, под командование казаков – и никто из стариков не припоминал, чтобы в мирное время когда-то было такое.

Четниками в основном были люди молодые, поскольку чета не освобождала от обязанности работать ради хлеба насущного. Здесь, в пограничной зоне, сербы работали сами на себя, и хозяева пекарен, каварен, маленьких заводиков с пониманием относились к тому, что иногда работники брали небольшой отпуск на несколько дней. Но ведь это еще здоровье какое надо: работа, потом чета, подготовка, смертельный риск – да и личную жизнь надо как-то устраивать. Сербь, в отличие от евреев, не требовали от молодых заклю-

чать браки только в своей нации, беречь чистоту крови, но большинство поляков ненавидело и презирало сербов. Оставались свои, русские да казаки – как было у той же Драганки, по которой сейчас вздыхал добрый донской казачина из пластунов, и чувства парня не оставались без ответа.

Собрались во дворе воеводы – всего шло двадцать человек, разбитые на две группы по десять четников в каждой. Каждый четник хранил оружие и снаряжение дома, потому пришли все уже с оружием и с рюкзаками. Чуть позже должны были вывести со дворов три трактора с прицепами с высокими бортами – на них они собирались добраться к месту.

Радован Митрич что-то обсуждал с командованием казаков по рации, оставалось надеяться, что начало работы еще одной рации не всполошит никого по ту сторону границы и не сорвет переход. Это была не первая ночь, которую они проведут в чистом поле. Радован за время операции осунулся и еще больше потемнел лицом, но каждую ночь упорно ходил сам. А днем еще и в кузне работал, и дела решал – как и в любом боевом формировании у командира дел житейских едва ли не больше, чем дел военных.

Тем временем несколько «гарных парубков» решили докопаться до Драганки, которая шла сегодня с четой. О том, что у нее появился суженый из казаков, стоящих неподалеку, знали многие. Кто-то одобрял, кто-то нет. Несколько молодых сербов всерьез думали подкараулить этого казака да начистить ему рыло, выходили в ночь, но найти его не смогли.

Слабоваты были супротив донских пластунов, которые еще на Кавказе отличились.

– А, сестра... – завел разговор один, – тебе не тяжело?

– Ви причаху? – Драганка сосредоточенно проверяла снаряжение, которое и для мужика было тяжеловато.

– Да о том. О русе твоём.

– Али шта интереса?

– Да как он... в ночь да без тебя... а хотя он же там будет, на положе...

С противоположной стороны двора начал подниматься, сжимая кулаки Божедар, но Драганка его остановила.

– А ты, Петар, что так за это переживаешь?

– Так можа волим те...

– Э... нет, зашто ми такой? Любой на тебя поглядит, помыслит – алкоголик, и что с тобой радовать?

Двор грохнул хохотом, Петар, красный как рак, вынужден был сесть на место и демонстративно заняться своим снаряжением. История была известная: Петар, известный, несмотря на возраст – еще в армии не бывал, дамский угодник, умудрился охмурить одну из первых красавиц гимназии, пани Гражанку. Штурм неприступной твердыни завершился полным успехом – но о том стало известно. И вот в один прекрасный день Петар посреди ночи подошел к заветному окну, кинул туда камешек – но вместо веревочной лестницы, как в старых фильмах, ему прямо на голову опрокинули кастрюлю с кипятком. Потом он цельный час убегал от

разъяренных польских парубков, поднявшихся посреди ночи проучить серба – это, кстати, были не шутки, поймали бы – могли убить. Потом Петар долго лежал в больнице с ожогами от кипятка, вылечился – но теперь цвет кожи на голове и на лице у него был, будто у запойного пьяницы – с красноватым оттенком. Поэтому дамы, в которых у него раньше не было недостатка, начали избегать его, а он стал к ним цепляться, быстро прославившись своим едким языком. Не раз его и били – потому что едкий язык это достоинство дамы, но никак не кавалера.

– То мое дело, – буркнул Петар, понимая, что проиграл, просто для того, чтобы не оставлять за женщиной последнее слова.

Возлюбленная Божедара тоже была здесь, звали ее Звезда, и она шла на дело со своим мужчиной. Для русских, для казаков это было диким, для сербов – нормальным. Нормальным это было и для Божедара, более того – он гордился своей Звездой и в цепи выбирал место рядом с ней. Как говорил – чтобы прикрыть, ну а если что – так обоих сразу. Вот такой вот жутковатый, с инфернальным душком юмор по-сербски. И эта была не единственная пара из тех, которые шли на ту сторону вдвоем.

Кто-то включил магнитофон, полилась разухабистая и сильная песня. У сербов был совершенно особенный песенный жанр, турбофолк. Кое-кто считал это «сербским рэпом», но сравнить негритянский примитивный речитатив,

исполняемый под убийственно тупую и примитивную музыку с сербским турбофолком, мог лишь полный кретин. Сербский турбофолк – это народная музыка, исполняемая в ускоренном варианте и на современных инструментах, и слова – о боях, о засадах, о четах, о концлагере «Пожаревац», об устахах. Исполнительницы турбофолка (это всегда были женщины) собирали полные залы, и ходили на турбофолк не столько сербы, сколько русские. Эти песни звали на подвиг, в то время как рэп обычно звал на пьяную драку, на дебош, на преступление.

– Так... исключили! Райко, ты что – головой слабый совсем?!

– А что, пан глава?

– Ты куда гитару повлачил? Идем до ночи, ты там что певати будешь?

– А одно и спую. Пусть приятели козаки послушают.

– Та-а-ак... Гитару положи! Раз в тебе силы много – дайте ему еще кутиху к митральезе. Нека вуче, детина здоровый...

Под насмешки и подначки на спину покрасневшего Райко взгромоzdили большой, семь килограммов весящий, короб с пулеметной лентой на двести пятьдесят патронов. Получилось – как рацию армейскую тащит.

– Сви спремни?⁶

⁶ Сербы разговаривают на своем типичном диалекте, смеси сербских, русских и польских слов. Поскольку польские сербы знали все три этих языка, в разговоре между собой они смешивали их.

– Все, пан глава, – донеслось нестройное.

– Тогда – да хранит нас мати Богородица. Пошли.

17 июня 2002 года

Передовой лагерь

Пограничная зона, Австро-Венгрия

Родсток сдержал свое слово – прислали вертолет. Старая тарактелка Вестланд, в армии Ее Величества таких уже не было, а здесь, поди ж ты, летают. Еле летают. Вертолет едва тащился в сотне метров над землей, противно подрагивал, свистел турбиной – и за время полета первый сержант Миддс не на шутку испугался.

Передовой лагерь был в лесу. Он отстоял не меньше чем на три километра от любого населенного пункта и прикрывал очень важную точку – лазы. Здесь, в этих местах, сходились сразу два лаза – лесистой, прорезанной оврагами, почти непроходимой для техники местности. Овраги и холмы, между которыми стелились едва заметные, вытопанные ногами дороги, были идеальным местом для того, чтобы пересечь границу. Когда-то давно русские пограничники решили обезопасить пограничную зону датчиками и сигнальными минами. Идиоты... Всего-то понадобилось – установить здесь подкормки для зверья – и все сигнальные мины кончились примерно за месяц, ложных срабатываний было настолько много, что не хватало тревожных групп. Сначала русские пограничники отстреливали благородного оленя

и кабана, потом «зеленые» подняли такой шум насчет этого, что все просто плюнули, и теперь граница перекрывалась лишь дозорами и наблюдением с воздуха. И то и другое – не препятствие умному и хорошо подготовленному человеку.

Хьюго Родсток ждал их на посадочной площадке – как всегда, в своей идиотской тирольский шляпе с пером. Родсток, наполовину англичанин, наполовину валлиец, прожил в Австрии уже несколько лет и одевался теперь как истинный австрийский охотник. Несмотря на жару – а было жарко, – на нем был его обычный плащ, в котором он героически истекал потом, но держался. Очки без оправы съезжали с носа.

– Сержант... – прогундосил он, у него было что-то с глазами, и от этого он не говорил, гундосил, – рад, что вы прибыли так скоро. Времени у нас нет совсем.

– Сэр, где нам разместиться?

– Пойдемте. Сразу в штаб.

Над лагерем реял красно-белый, клетчатый, усташеский флаг с черной буквой U.

Пограничная зона, Виленский край

Его звали Зденек, ему было пятнадцать лет, у него был пистолет, который он нашел в лесу (кто-то при задержании выбросил, видимо, да так и не нашли потом), и у него была мечта. Он точно знал, кем станет в будущем. Кем? Конечно же, контрабандистом, как иначе...

Зденек был типичным пацаном из польского приграничья. Типичным – в смысле отсутствия всяческого уважения к закону. Его отец был еще на свободе, дядя уже разматывал двенадцатилетний срок на каторге на Дальнем Востоке, брат служил в армии летчиком. Среди контрабандистов профессия эта была зело почетной, с ней можно было за ночь заработать столько, сколько честный человек зарабатывает за неделю. Знай себе – летай на мотодельтаплане через границу да перевози спирт. А некоторые, кто побогаче, покупали самолет, он мог взять целую тонну – за месяц окупалось. Русские патрулировали границу – но они не имели права стрелять в воздухе, они могли лишь принудить к посадке и только тогда, обнаружив спирт, арестовать за контрабанду. Ну и скажите – много ли можно наловить таких вот «ночных сов», скользящих над пограничной зоной в полной тишине и на скорости автомобиля – шестьдесят-восемьдесят в час. Немного...

С самого детства Зденек обретался в среде контрабанди-

стов. Его семья жила в достатке, в кирпичном доме с двух этажами и с большим подвалом – там часто хранился спирт. Отец со старшим братом работали по ночам, а днем приходили отсыпаться. Отоспавшись, после полудня в их доме часто собирались другие контрабандисты, пили палинку и ракию (контрабандная, настоящая, лучше, чем бадяжная водка), хвастались друг перед другом фартом, удачью, хитростью. Вспоминали, как ловко уходили от казаков и таможенников, договаривались о лихих делах на будущее. Тут же, у взрослого стола вертелись и пацаны – взрослые им казались этакими рыцарями, смело воюющими с проклятыми русскими оккупантами.

В школе Зденек учился слабо, хватал больше по верхам – хотя малым был сообразительным, и учитель математики это признавал. Но здесь мало кто налегал на учебу – чем выполнять домашние задания, пацанва шляется по лесу, по окрестностям, высматривая таможенников и казаков. В шесть лет у него появился собственный сотовый телефон, батя подарил. В восемь – попавшиеся ему в лесу казаки отняли телефон и, раздосадованные срывом засадных действий, дали ему пенделя, но он добежал до дома и предупредил остальных, что в лесу враги. На сей раз телефон ему купил не отец, а контрабандист, которого все звали Маршал – кличка такая, заменившая ему имя, самый крутой контрабандист окрестностей, глава этого преступного сообщества в районе. Теперь и Маршал разматывал на северах свои пятнадцать лет – но

Зденеку на это было наплевать. Это была игра, и в ней иногда проигрывали.

Сейчас Зденек залег на опушке леса – он наблюдал за посадочной площадкой. Посадочной площадкой это можно было назвать лишь с усмешкой – ровный отрезок дороги, утоптаный, вручную выровненный. Но контрабандистам хватало и такого. Этой ночью они с бате́й ждали с той стороны «пчелку» – самолет, словно специально созданный для контрабандных операций и выпускающийся недалеко от Варшавы. Легкий и дешевый моноплан, приводимый в действие форсированным автомобильным движком и питающийся не керосином, а автомобильным бензином, с фюзеляжем квадратного сечения, очень удобным для того, чтобы грузить туда квадратные бочки-емкости на пятьдесят литров спирта каждая. Он предназначался для опыления полей, но идеально подходил для контрабанды, и десятки таких «пчелок» сновали туда-сюда через границу. Контрабандисты только перекрашивали их в черный цвет и добавляли радар, чтобы отслеживать русские «Аисты» – самолеты погранслужбы – и беспилотники, сторожащие границу. Для того чтобы взлететь, ему хватало всего ста двадцати метров полосы, но даже это расстояние можно было сократить. Всего-то – крюк на хвосте, ствол дерева, петля. В определенный момент, когда двигатель достигает нужных оборотов, петлю распускают, и самолет, как бы рывком, начинает разгоняться. Конечно, он может и скапотировать, но это уже от пана летака зависит,

летать уметь надо.

А зараз самолет отнимут? А это, паны полициянты, доказать надо, что он для контрабанды используется. В приграничной полосе – вредителей полей больше, чем где бы то ни было в мире. Пшеница тут не очень хорошо родит, родит картошка, а на картошке известная беда – колорадский жук. В приграничье поля по два раза в неделю с воздуха опыляют, гербициды распыляют и удобрения вносят. А то и чаще. Днем опыляют, а ночью бак для гербицидов из грузового отсека снял и...

Итак, Зденек сидел в засаде, осматривал окрестности в бинокль и следил за полосой. В нужный момент он посигналит фонариком летаку – можно – и зажжет костры из заранее приготовленных, пропитанных бензином тряпок и дров, чтобы обозначить посадочную полосу. Батя ждет чуть дальше, как самолет сядет – он подскочит с трактором и они разгрузят товар с самолета. Злотые за товар передавались не летаку, летак всего лишь извозчик – а куда, Зденек не знал. Это взрослые дела, он пока мал, чтобы это знать.

От нечего делать Зденек насвистывал песенку. Песенка была простой и незатейливой – как польский гусар махнул саблей, и от этого москаль обдристал свои штаны и побежал. Здесь такое многие пели...

Рокот тракторов – из-за этой песенки и из-за мыслей об одной паненке, сильно отвлекавших от наблюдения, – он услышал только тогда, когда увидел сами трактора. Три трак-

тора с прицепами с высокими бортами неспешно перлись прямо по дороге, направляясь к границе. Худо было то, что дальше со своим трактором стоял батя, и если они продолжат путь, то увидят его.

Зденек достал сотовый, прощелкал номер бати – сотовый здесь брал, если бы не брал, здесь бы никто не работал.

– До тебя три пердака едут, – коротко доложил Зденек. Пердаками они называли тракторы, использующиеся в сельском хозяйстве: какими же идиотами надо быть, чтобы в пограничной зоне в земле ковыряться?!

– А, шоб их... – выругался отец, – курва блядна... Люди есть?

Зденек хотел ответить, что нету, но тут из одного трактора донесся смех, который был слышен даже через рокот тракторного дизеля.

– В кузовах.

– Бисовы дети. В тебе – всё?

– Да.

Отец положил трубку.

Зденек не знал, что делать. На всякий случай – залез на дерево, дабы как следует осмотреть окрестности в бинокль, вдруг казаки. Но ничего не увидел.

Через десять минут отец позвонил сам. Зденек уже весь измучился сомнениями.

– То сербы, – сказал отец, – не наше дело. Нехай едут.

– Мне ждать?

– Жди.

Передовой лагерь

Пограничная зона, Австро-Венгрия

САС

Задача была довольно простой – следовало провести в зону, на карте обозначенную как «три-семь», группу «активистов», числом двадцать бойцов, и передать ее местным представителям сопротивления. При этом группе поляков придавалась еще местная группа усташей (так сейчас говорить было не принято, но это были именно усташаи) силой в двадцать штыков и группа САСовцев – четверо. У бойцов САС была отдельная задача – разведка приграничной полосы. При этом им был отдан недвусмысленный приказ: в случае засады отходить, при невозможности оторваться первыми уходят британцы, далее – все остальные. Все в этой группе, кроме британцев, были расходным материалом, которым можно и пожертвовать в случае чего.

Вообще, сама эта операция вызывала у главного сержанта Миддса большие вопросы. Первый – зачем она вообще нужна? Сорок четыре человека идут через границу, двадцать четыре обратно – для чего? Не проще ли – фальшивые документы, пограничный переход, коррумпированный таможенник, который найдется на любой границе? С какой целью они ломаются в окно, даже не в окно, через стену – когда дверь

распахнута настежь?!

Второй вопрос – сами ополченцы. Первый сержант за время службы не раз видел самые разные военизированные формирования, одни были повстанческими, другие организовывались каким-либо государством, и ему приходилось делать из сбродного воинства хоть какое-то подобие британской воинской части. Опираясь на свой богатый опыт, первый сержант выделил для себя несколько признаков, незаметных неопытному взгляду, но которые позволяли определить, насколько боеспособна та или иная воинская часть. Посмотрев на усташей и польских повстанцев, первый сержант пришел к выводу, что их здесь хоть и научили многому, но дисциплина хромала. Оружие усташей чистили регулярно, держали некое подобие строя – а вот с ножами у них были проблемы. Настоящий, опытный солдат не поволочет с собой здоровенный, похожий на саблю тесак сорок сантиметров длиной в тыл противника. Правило простое: каждый лишний грамм веса – на счету. Тесак весит столько же, сколько две пачки с патронами, которые будут куда нужнее. Тесак берут, только если хотят «резать головы русским свиньям» – а это глупость и недисциплинированность, грозящая срывом боевого задания. Сам первый сержант носил при себе многофункциональный инструмент, в котором было небольшое лезвие, и спицу – заточенный штырь с самодельной рукояткой. Почти ничего не весящее и очень опасное оружие.

Что же касается первого вопроса – с ним он обратился к Родстоку. До выхода было еще два часа, и они с местным проводником (тот шел с ними только до границы) и Родстоком уточняли маршрут и задачи по карте...

– Полное дерьмо!.. – выругался первый сержант.

– О чем это вы? – поднял голову от карты Родсток.

– Обо всем этом плане. Это полное дерьмо!

– Не понял, объяснитесь!

– В плане нет никакого смысла. Провести двадцать полевиков через границу? Чушь собачья! Почему нельзя дать им документы и отправить легально, через таможеню? Не верю, что у всей нашей долбаной разведки не найдется подходящего окна на границе!

– Мистер Миддс, на вашем месте я бы поуважительнее высказывался о британской разведке, которая обеспечила вам двойное жалованье и двойную выслугу лет здесь. Что же касается самой операции, ваша задача – вывести без потерь группу в двадцать человек в зону три-семь. Задача, надеюсь, ясна?

– Да, сэр.

Если бы Родсток не нахамил ему – в САС⁷ были свои правила, там люди ходили с длинными волосами, в гражданской одежде, с бородами и не терпели хамства, – возможно, Миддс и не задался бы вопросом, в чем истинный смысл операции, удовлетворился бы той ложью, которую Родсток

⁷ Специальная Авиадесантная Служба.

скормил ему. Но откровенная грубость заставила его задать себе несколько вопросов, подумать над ними и получить ответ. Операция имела смысл – просто не всем понятный. Цель его – разведка прифронтовой полосы и одновременно отвлечение внимания. Азбучная истина – повышение активности разведывательных групп противника на каком-либо участке предшествует крупному наступлению. Русские это знают, и поэтому они подтянут сюда военные части, усилят казаков, возможно, даже тайно займут запретную приграничную зону. Этим самым они оголят другие участки, ослабят оборону крупных городов, а в Польше наличие воинских частей в городах всегда было залогом спокойствия и стабильности. То, что им предстоит сделать, – не более чем отвлечение внимания от других участков и от городов. Это первое.

А второе – если сегодня они будут обнаружены, то примут бой и организованно (или неорганизованно, если всё пойдет скверно) отступят за границу. Такие вот наскоки-налеты постепенно становятся привычными, и русские решат, что так всё будет и дальше: наскок – отход.

Но однажды настанет день, когда с той стороны границы придут.

И уже не отступят.

Одной из традиций САС является китайский (или воровный, как некоторые его называют) парламент – сбор разведывательного патруля перед уходом на задание. Здесь нет командиров и подчиненных, здесь все равны и каждый имеет

право высказаться. САС была совершенно исключительной частью британской армии, с особыми традициями, особыми заданиями, особыми правилами, особым вооружением. В ней служили только контрактники и офицеры, уже отслужившие какое-то время в других частях Ее Величества, зарекомендовавшие там себя и подписавшие контракт на длительный срок. Эти люди перед службой в САС прошли жестокие отборочные курсы. Не раз и не два во время подобного отбора курсанты умирали. Это были жесткие и правильные мужчины, от двадцати пяти и до сорока лет, в совершенстве владеющие своим ремеслом – ремеслом солдата, участвовавшие в реальных боях и имевшие реальный боевой опыт. Они почти не нуждались в командовании – в обстановке ближнего боя или, наоборот, за линией фронта командовать зачастую бывает невозможно, и каждый сам должен понимать, что нужно делать, и делать это. Вот для того, чтобы каждый мог внести в общую копилку свои познания и опыт и чтобы каждый понимал, что он должен делать, и собирался «китайский парламент».

Патруль состоял из четырех человек. Первый сержант Миддс, радист патруля капрал Грегори Кенсилворт, разведчик патруля по прозвищу Бит, Том Хайкс, чей дед служил в Королевских африканских стрелках, пулеметчик со смешным именем и фамилией Нортон Айви по прозвищу Фрукт. Его так все и звали – «фрукт» или «тот еще фрукт», чтобы не ранить его тонкую и лирическую натуру.

Им выделили отдельную палатку, пустую, в которой не было даже коек. Но коек не было, когда Миддс уходил, а сейчас откуда-то две появились. В отсутствие командира бойцы подкреплялись свиными консервами, которых в Австро-Венгрии было полным-полно...

– О, босс, – поприветствовал командира Кенсилворт, – присоединяйтесь. Мы и вам оставили...

По заведенной традиции никто не потрудился встать, отдать честь или соблюсти еще какие-то уставные правила – в САС ценили именно неофициальность. Однако неофициальность не помешала позаботиться о командире – банку для него открыли и воткнули туда пластиковую ложку из армейского сухпайка, которую имел при себе каждый британский солдат.

Миддс бросил карту и, не чувствуя вкуса, опустошил большую банку консервов. Что-то внутри его не говорило – буквально кричало о том, что сегодняшней выход может закончиться очень и очень хреново. По крайней мере, консервы были вкусными: здесь свиней выращивали не на огромных бетонных откормочных комплексах, а на маленьких фермах, под открытым небом. Поэтому мясо было таким, о каком в Британии уже давно позабыли...

– Как бы нас самих сегодня в консервные банки не раскатали... – мрачно проворчал он.

Озабоченность командира передалась и подчиненным, вместе они разложили карту, босс примерно изложил разра-

ботанный штабом план, показал контрольные точки.

– Дерьмо, – сразу сказал Фрукт, – мы вляпаемся. Сорок человек – это стадо слонов, такую группу скрытно не провести. Тем более – этих.

– Они наши союзники, какие бы ни были.

– Дерьмо, а не союзники. Я немного послушал – треплются, как бабы, один гонор.

– К делу. Как идем?

– Сэр, может, выступим головным патрулем. Удалением скажем, километр?

– Тогда раскатают нас.

– Четверых? Смысл? Я бы подождал основную группу.

– А откуда они узнают, что основная группа будет?

– А каким макарон они засекут нас?

– Бит, скажи, что ты предлагаешь?

– Идти не головным дозором, а фланговым.

– Тогда мы как раз и поймем хорошие шансы напороться прямо на засаду.

– Но они-то как раз этого не ждут. Мы нанесем удар во фланг, используя фактор внезапности на все сто.

– И что? Сколько будет в засаде? Двадцать? Тридцать? Как ты с ними справишься?

– Сэр, а с чего мы решили, что засада вообще будет?

– Предполагать надо худшее.

– Но беспилотник ничего не показал.

– Что им мешает выставиться потемну?

– Если мы предполагаем, что там засада – какого черта мы вообще туда премся?

– Стоп! – поднял руку Миддс, у командира было такое право. – Рассматриваем три возможности. Организованная засада большей или меньшей численности, случайная стычка с патрулем и... могут засечь с воздуха и нанести удар. Продолжаем.

– Даже если засекут, подумают на контрабандистов, попытаются задержать. Здесь не война, – сказал Фрукт.

– Возможно. Но нам от этого не легче.

– Допустим, там будет засада. Наши действия при обнаружении?

– Отстреливаемся. Отходим.

– Ты не понял. Если мы обнаружим засаду, в то время как засада не будет знать о ее обнаружении.

– Останавливаем основную группу.

– И сами попадаем под удар. У нас не будет резерва времени.

– Что ты предлагаешь?

– Решать на месте. Если у нас будет резерв времени, останавливаем группу и отходим сами. Если не будет, позволяем основной группе втянуться в бой, сообщаем им о засаде в самый последний момент. Сами, воспользовавшись суматохой, отходим.

– То есть мы подставляем местных?

– А нас не подставили с этим долбаным переходом? У нас

нет и дня на подготовку, нас бросают на убой.

– Скажешь тоже, на убой.

– А что – нет?

– Стоп – закончили с этим.

– Как скажешь, босс.

– А что, если по обнаружении засады – уничтожить ее?

– Как?

– Останавливаем группу, отходим...

– Стоп, стоп... Ты думаешь, они не будут слушать эфир?

– Получается, надо увеличить разрыв между головным дозором, то есть нами, и основными силами.

– Тогда в случае чего мы лишаемся их поддержки.

– Бит, ты и впрямь думаешь, что, начнись перестрелка, они придут и вытащат нас? Я вот в этом совсем не уверен.

– Я тоже. Четверо проще выскочат, чем сорок человек.

– Хорошо. Допустим, увеличили разрыв. Мы успеваем занять позиции, группа влетает в засаду, а мы в этот момент выбиваем огневые точки засады. Тихо и четко, без лишнего шума и пыли. Каково?

– Тогда в квадрат мы всё равно не пройдем. Придется отходить с потерями.

– Фрукт, что с тобой? Если нарвемся на засаду – отходить придется по-любому. Ты что, хочешь с казаками в прятки поиграть? Я вот – нет, если начнется – все мои мысли будут нацелены только на то, как подальше унести свою задницу.

– Кстати, про казаков. Что там у нас с ними? Карта есть?

– Есть...

Наложили одну карту на другую, отметили посты. Курвиметром промерили.

– Что скажешь, Африканец?

– Скажу, что ночью казакам чистой дороги – сорок минут, если перехватят у самой границы. Чем дальше мы уйдем от нее, тем меньше у нас шансов и тем быстрее они среагируют.

– Сорок – хватил.

– Не хватил. У них полноприводная техника, рванут напрямик.

– По крестьянским полям?

– А почему бы и нет? Если бой идет.

– А таможенники?

– Ближайшая застава здесь. Но не думаю, что они в ночь сунутся. Это не казаки.

– Почему бы им не сунуться?

– Тогда им же хуже. У них нет никакой боевой техники, даже пулеметов нет.

– Автоматов хватит.

– Ночью?

Миддс снова поднял руку.

– Идти надо по-любому. Предложение Африканца мне нравится. Вчетвером мы верней пройдем, чем сорок человек. Пробьем коридор.

– А если засада?

– По обстоятельствам. Возможно, будет шанс ее выбить.

Фрукт, напомни, что у нас есть из бесшумного?

– Два «велрода». Два «кольта». Глушители на «М4» – на каждую, стандартный комплект.

– Тогда... нам может понадобится всё...

* * *

Собрались быстро. Патруль скомплектовали из расчета не штурмовых, а разведывательных и засадных действий. Фрукт взял «велрод» вместо обычного пистолета вдобавок к своему пулемету, Миддс оставил в ПВД обрез двенадцатого калибра, к которому он привык, и пистолет, и взял вместо них пистолет-пулемет «кольт-45» с интегрированным глушителем. Бит и Африканец остались при своих «М4», на которые они надели глушители и установили: на одну ночной прицел, на другую термооптический. Ночной прицел у них был и на «велроде» – новый универсальный монокуляр, который можно и на крепление на шлем прицепить, и на винтовку поставить. Точно такой же монокуляр был и для «кольта».

Что такое «велрод»? Великобритания в области вооружения шла всегда своим путем, и этот путь был хоть и не всегда правильным, но всегда оригинальным. Оружейники, работающие на САС, взяли североамериканскую гражданскую винтовку «Рюгер 77-44» под сорок четвертый револьверный патрон «Магнум», уложили в гражданское «тактическое» ложе

с откидным прикладом, установили магазин на десять патронов вместо четырех, большой интегрированный глушитель – и получилась бесшумная винтовка патруля. Бесшумная – это значит совсем бесшумная. Любое пехотное оружие, пусть и с установленным на него глушителем, дает шум от работающего механизма. А здесь перезарядка осуществлялась почти бесшумным ручным затвором, никаких движущихся частей в винтовке не было, звук выстрела гасил глушитель. В результате на обычном шумовом фоне звук выстрела из такой винтовки не был слышен и с пяти метров.

К тому времени, как патрульные собрались, и усташи, и поляки выстроились на некоем подобии плаца. Вооружены они были изрядно – шесть пулеметов на сорок человек, гранатометы. Поляки отличались от хорватов тем, что они были в гражданском. Вот только после перехода по лесу во что превратятся гражданские шмотки?

– Кто командир? – спросил Миддс.

Высокий, заросший бородой человек, с тесаком на поясе и с запрещенным⁸ шевроном U, прикрытым клапаном кармана, шагнул вперед.

– Я, поглавник⁹ Петач.

– Воинское звание?

⁸ К этому времени партия усташей в Австро-Венгрии была запрещена – но на деле просто превратилась в национал-прогрессивную партию и продолжила свою деятельность. Шеврон с буквой U – отличительный знак усташа.

⁹ У усташей была своя система званий, довольно простая. Поглавник – командир.

– Поручик... – неохотно признал Петач.

– Тогда – слушать мою команду, поручик. Карты с маршрутом выдвижения вам в штабе выдали?

– Так точно, получили.

– Готовьтесь к выдвижению. Вот этот... – первый сержант с презрением ткнул пальцем в тесак, – металлолом приказываю снять, вместо него раздайте еще патроны. Лишним не будет. Мы выдвигаемся через час. Вы – через два часа.

– Простите?

– Вопросы, поручик?

– Разве вы не идете с нами?

– Мы – разведывательная группа, будем вести разведку маршрута на большом удалении от вас. Рации на прием, при обнаружении противника мы сообщим вам. При боеконтакте – бой не принимать, выставить арьергардный заслон и отходить к границе.

Поручик улыбнулся при последних словах. Вот вояки...

– Так точно.

САС

На самом деле – пограничная зона не была сплошным лесным массивом, как это многие представляют¹⁰. Лесной массив был, его высадили специально, в тридцатые годы, как естественное укрепление против пехоты и тогда еще несовершенных танков. Но с тех пор прошло уже семьдесят лет, за лесным массивом никто не ухаживал с сороковых годов, когда появился десант и десантные планеры, и стало понятно, что лес для стремительного наступления не преграда. Лес же, высаженный в оборонительных целях и ставший гражданским, жил своей жизнью. Какие-то деревья досрочно завершили ее, будучи сраженными молнией или погрызенными древоточцами, на том месте, где они когда-то были, подрастала молодая поросль. Где-то лес разросся и захватил больше территории, чем это предусматривалось, рядом с деревьями его рубили и вывозили на дрова и топливные брикеты (делали это незаконно). Его никто не прореживал и не чистил, поэтому в лесу скопилось много валежни-

¹⁰ Многие представляют границу как мертвую зону, с колючей проволокой, с контрольно-следовой полосой, с заставами. На самом деле всё это появилось в СССР, на оборудование границы таким образом были истрачены просто безумные средства. Здесь же, в Российской империи, граница представляла собой всего лишь цепь столбиков на местности, иногда поваленных. Ее патрулировали, но ни колючки, ни КСП, ни вышек не было. Пробовали датчики положить и сигнальные мины, но отказались от этой затеи по причинам, изложенным выше.

ка. В лесу контрабандистами были протоптаны тропы, оборудованы схроны, блиндажи, где хранились спирт, оружие, наркотики, прятались разыскиваемые. Некоторые блиндажи – писк моды последнего времени – были оборудованы минами-ловушками, но далеко не все. Во-первых, мог подорваться и свой, поляк, тем более шмыгающий по лесу ребенок, а за это придется держать ответ. Во-вторых, казаки постарались довести до сведения королей приграничья, что если подобное появится, то живыми таких контрабандистов никто брать не будет. Так что на оборудование схронов фугасными закладками решались только самые отмороженные.

Сразу же после пограничного леса шла сельская местность – холмистая, с полями, с перелесками, с богатыми приграничными поселками и пунктами дислокации казаков, занимающими господствующие высоты и за многие годы неплохо обжитыми и укрепленными. Единственно, что не строили казаки в таких пунктах, – это постоянное каменное жильё. Ну не строили – и всё тут, жили в палатках и сборных модулях.

Патруль вошел в лес с той стороны границы, когда уже совсем стемнело. САСовцы не знали, наблюдает за ними кто-нибудь или нет, ходили слухи, что у русских есть глаза и по эту сторону границы, поэтому они высадились с трактора с прицепом, неспешно ползущего по рокадной¹¹ дороге. При-

¹¹ Рокадная дорога, рокада – военный термин, дорога, идущая параллельно линии фронта.

цеп трактора был накрыт сверху брезентом, рачительные австро-венгерские фермеры так возили сено. На одном из поворотов, когда трактор был вынужден сбавить скорость, брезентовый полог чуть приподнялся, и четыре фигуры в черном скользнули в перелесок. Тракторист – он давно так «подрабатывал» – поехал дальше, как будто ничего и не случилось.

– Построиться!

САСовцы приняли некое подобие строя.

– Идем колонной по одному. Дистанция... на удаление прямой видимости. Все команды подаю рукой. Африканец – ты первый. Фрукт – в хвост. Попрыгали.

Ни звука.

– Пошли!

Когда Африканец сорвался с места, небо над головами британцев расколосось, ослепительная вспышка ярости Божьей разорвала воздух и первые крупные капли дождя упали на исстрадавшийся от суши лес. Дождя здесь не было десять дней...

Казачи

– От, бисова погода... Только вышли – и на.

Сотник посмотрел на небо – тучи влекло в их сторону, низкий, нахмурившийся небосвод то здесь, то там разрезали ослепительные хлысты молний. Поднимался ветер.

Плащей они не взяли, только коврики, чтобы лежать не на земле, но, если пойдет гроза, не говоря уж о ливне, они просто утонут на позиции.

– Отходим? – Чебак с надеждой смотрел на командира.

– А ты что – сахарный¹²? Что-то не заметно.

– Зараз утонем, – смутился Чебак.

– Выплывем.

– Может, хоть натянуть что повыше?

– Ветром сорвет, – вступил в разговор Соболев, на минуту отвлекшийся от установленной на бруствере неглубокого окопа «Кобре», – и видно будет. Как парус хлопать станет.

– Оно так...

– Эх, хорошо тем, кто в бэтээре сидит. Крыша над головой.

Сотник думал о другом – бэтээры подошли, он в этом убедился лично. Другой вопрос – а смогут ли они пройти по раскисшему от дождя полю и занять позицию для огневого

¹² Это такая шутка. Сахарные – это одна из кличек содомитов в Империи.

налета? Пусть они полноприводные, но всё же гражданское шасси, да еще и перегруженное дополнительной броней и пулеметной башенкой. Если у них из средств поддержки будет только «Кобра», этого будет маловато, пусть она и ствол дерева навывлет пробьет.

Хотя почему только «Кобра»? У них два пулемета – на Востоке этого обычно оказывалось достаточно.

Но ведь на Востоке и леса такого нет. Лес – не лучшее место для боя...

– Зараз остаемся. Чебак, коли тебе не хрен делать, как языком чесать, возьми лопату, выкопай, куда воде стекать.

Примерно через десять минут, когда дождь уже пошел, они засекли движение.

– Левее, восемьдесят метров. Одиночная цель, – доложил Певцов, он отвлекся от пулемета и вел наблюдение через тепловизор.

– Взять на прицел.

– Идет со стороны позиций. Прячется.

– При подходе на дальность броска гранаты – доклад!

– Есть. Семьдесят метров... шестьдесят... Есть сближение!

– Кто там есть?! – крикнул сотник, это было не так опасно, потому что дождь приглушал звуки. – Стрелять будем!

– Божедар! Божедар се, не пуцайте, казаки!

– Давай к нам по-тихому!

Через пару минут к ним в окопчик свалился мокрый как мышь молодой серб. Сотник, не говоря ни слова, достал

фляжку.

– Хвала... О, це добре... Што такое?

– Горилка. Самогон. Спичку поднесешь – зараз загорится.

– Це добре. Радован спрашает – уходить с положая?

– А сам что разумеешь? Если когда и пойдут – так только в такую ночь. Ни биплы не летают, ни по дорогам не пройдешь.

– То так.

– Вот и скажи ему – мы остаемся. А сами – как знаете.

САС

К тому моменту, как патруль пересек границу, разыгралось всерьез...

Собственно говоря, на это они и рассчитывали, метеорологи обещали дождь, облачность всю ночь, нелетную погоду. После инцидента, когда при переходе группа была обстреляна неизвестными в пограничной зоне, правила безопасности ужесточили. Теперь предписано усилить разведку по маршруту следования, перед переходом использовать данные аэрофотосъемки для изучения предстоящего пути, больше работать с данными агентуры. Относительным нововведением стало прослушивание переговоров контрабандистов – по ним можно было узнать оперативную обстановку на границе в целом и в зоне перехода – конкретно.

Обрушивающиеся на лес струи дождя пробивали кроны, падали на землю, собирались в низинах и овражках, где воды уже было по щиколотку. Почва в этом районе глинистая, поэтому вода не впитывалась, а развозила верхний слой и делала передвижение по залитому водой лесу не самым приятным занятием.

Первый сержант Миддс уже два раза поскользнулся и упал, падая, он инстинктивно вытягивал руки вверх, чтобы уберечь винтовку, потому что винтовка не терпела ни сырости, ни грязи. Обмундирование, которое вроде как должно

быть гидрофобным, воду всё-таки впитало и теперь противно липло к коже. Вся спина и бок были в грязи, грязь отваливалась комками. Повторяя про себя нехитрый речитатив британской детской песенки, держа винтовку на вытянутых руках, чтобы при новом падении не допустить ее загрязнения, первый сержант упорно брел по залитому водой лесу.

Вспомнились учения. Черная гора, или Пенн-и-ванн, – такая же проклятая, поросшая лесом гора в Северном Уэльсе, мерзком и промозглом месте, как минимум, десять месяцев в году из двенадцати. Там гоняли в хвост и в гриву новобранцев, их доводили до состояния скотского отупения, когда всё, что остается в мозгах, это не упасть, донести ногу, делающую следующий шаг, и поставить ее на землю. Каждый из них когда-то впервые пришел на отборочный курс САС, и каждому из них инструктор сказал: мы не собираемся вас учить. Мы просто хотим вас прикончить. Кто выживет, тот остается с нами.

Так готовили спецназ – и это были не самые страшные испытания. Штурмовиков рейхсвера выбрасывали с вертолета в Сахару, в джунгли, и они должны были выжить и выбраться к своим. Молодые германцы по два года обязательно проводили в «кайзергруппен», отрядах кайзера, где готовились к самым жестоким и беспощадным войнам, к повстанческой и противоповстанческой войне, проходили практику в Африке. В Священной Римской империи, в ее сердце – Великой Германии, – для их тренировок были построены целые

города. Жестоко обходились со своими курсантами русские – после подготовки их забрасывали в Сибирь, в Афганистан с одним приказом – выжить. У русских были племена, которые с детства готовили своих мальчишек к службе в армии, – осетины, чеченцы, казаки. Он не поверил бы, если бы своими глазами не видел фильм, снятый в Российской империи британскими офицерами, побывавшими там по программе обмена¹³. Он видел, как шестнадцатилетние пацаны бегут кросс тридцать километров, чтобы прибыть на стрельбище – в полной экипировке, потом перед стрельбищем проходят огненно-штурмовую полосу, потом – поражают цели из снайперской винтовки – на пределе сил, когда дыхание напрочь сбито и сил не остается ни на что. Он видел, как десяти-, двенадцатилетние дети (!!!), отданные в кадетские корпуса, учатся выживать в горах и в зеленке в одиночку и с настоящим оружием, как сходятся в рукопашных схватках, как занимаются на стрельбище. Даже в Британии не было такого. По крайней мере, он до восемнадцати лет совершенно не думал о службе.

Он не раз потом был на Черной горе, вспоминал ее, проклинал ее, а вот теперь все это пригодилось. Он уже не шел, он плыл по раскисшей глине, оскальзываясь и сцепив зубы.

¹³ Потом этот фильм показали по британскому телевидению с паническим криком: «Варвары наступают! Британия в опасности!» Такие методы подготовки и работы с молодежью были признаны варварскими и бесчеловечными. Кстати, точно такие же методы подготовки использовали разведчики Японской империи – ниндзя. Ниндзя готовили почти с рождения.

Но знал, что пройдет и не отступит.

* * *

Возможно, будь на месте британцев поляки или усташи, ничего бы и не произошло, они втянулись бы в овраг, где и были бы расстреляны сосредоточенным огнем со всех сторон. Но первыми, головным дозором, шли британцы, и более того – путь им торил Африканец, охотник и следопыт. А от него укрыться было невозможно.

Томас Генри Хайкс – Родсток (вторую часть фамилии пришлось забыть еще его деду, чтобы не навлекать на себя лишних проблем) был первопроходцем – и этим всё сказано. В числе первых его прапрадед, по семейным преданиям, работавший в доках в Ливерпуле, нанялся на корабль помощником судового механика – при этом в судовых машинах он ни хрена не понимал. Он даже не знал, куда идет этот пароход, он знал, что подальше от Британии, в новые земли – и этого было достаточно. Пращур их рода понимал, что в Великобритании слишком много людей и слишком мало земли, а потому никакой возможности пробиться наверх у него нет. Ему нужны были другие условия – когда сам отвечаешь за себя и полагаешься не на государство, не на общину, не на рабочий союз, а на себя и на свою винтовку. Это он получил в полном объеме – когда после длительного и опасного морского путешествия их корабль бросил якорь в порту Кейп-

таун на мысе Доброй Надежды. Надежда привела его сюда, надежда на лучшее, поэтому и название порта было глубоко символичным.

Через несколько дней в составе большого каравана колонистов, купив на последние деньги ружье и место в повозке, Натаниэль Хайкс-Родсток отправился в долгий путь по земле прародины человечества, по Черному континенту, где опасность подстерегала на каждом шагу. Путь его лежал в частное земельное владение некоего мистера Сесилия Роддса, то самое, которое потом назовут Родезией.

В Родезии Натаниэль Хайкс-Родсток поднялся довольно быстро. В тех местах было много пустой земли, и вся проблема заключалась в том, что на этой земле уже обитали люди. Впрочем, тогда матабелов не считали за людей, ибо только белый человек заслуживал это гордое звание. Шаг за шагом, пуля за пулей белые пришельцы ниспровергали авторитет местного короля матабелов, некоего Лобенгулы, который был настолько толст, что даже передвигался с трудом. После появления «така-така», скорострельного автоматического оружия, изобретенного неким мистером Хайремом Максимом, договариваться с матабелами стало и вовсе просто.

Когда началась Бурская война – война британцев и Британской империи против буров, белых колонистов, потомков голландцев и французов, – ни Натаниэль, ни Джонатан Хайкс-Родстоки даже не раздумывали о своем отношении к войне и на чью сторону им встать в ней. Оба они присоеди-

лись к армии Ее Величества, и сделали это по своему убеждению и по чувству долга перед Родиной, перед Великобританией, поскольку искренне считали, что только Британия может принести в эти места свет цивилизации, вырвать Африку из вековой отсталости. Увы, в боях с бурами и Натаниэль, и Джонатан погибли, причем Джонатан погиб в собственном доме, куда приехал поправляться после ранения. Чья-то метко пущенная пуля нашла его и тут, оставив дом и семью на попечение пятнадцатилетнего Джека Родстока. Джек Родсток, крепкий, выросший в работе по имению, не по годам самостоятельный парнишка, со своей задачей справился и не только не промотал плоды трудов отца и дела, но и прирезал к имению, к землям Хайксов-Родстоков, еще два надела земли.

Тяжелая, жестокая война, вихрем прокатившаяся по европейскому континенту и перекинувшаяся на другие, вылившаяся в ожесточенные бои на Востоке, схватки в Средиземном море, в Египте, лишила Хайксов-Родстоков всего. Буры, Южная Африка восстали моментально, горя ненавистью к британцам и желая отомстить за унижение. В двадцать первом году еще была какая-то надежда, тот же фон Леттов-Форбек со своим отрядом хоть и был опасен, но он не мог контролировать и надежно удерживать значительную территорию, его отряд был силен своей мобильностью, в столкновения с Королевскими Африканскими стрелками старался не вступать. Но после двадцать первого, когда силы

Черноморского флота прорвались через проливы и присоединились к германскому Флоту открытого моря, полностью блокировав Средиземное море и выбив из боев Италию, когда подкрепления германцам хлынули сплошным потоком – надежды не осталось никакой. Джек Хайкс-Родсток превратился в Джека Хайкса, а его имение, фамильная земля была отобрана бурскими властями за то, что Хайксы-Родстоки дважды участвовали в войне на стороне Британской империи.

Как ни странно, отняв землю, буры довольно лояльно отнеслись к Хайксу-Родстоку, ставшему теперь просто Хайксом, и к его семье. Дело в том, что на африканском континенте слишком большой вес теперь приобрела Германия наряду с Италией. Если внимательно посмотреть на карту, то Германия прямо или косвенно (земли вассалов, которые к Германии не относились исходя из принципа «вассал моего вассала – не мой вассал») владела пятьюдесятью процентами земель Африки, еще процентов пять-семь приходилось на Италию, которая сумела сохранить колонии в обмен на сепаратный мир. Была Франция, что-то оставалось у англичан, но большинство остальных земель принадлежало бурам, молодому независимому бурскому государству, которое моментально заключило договор о дружбе и сотрудничестве, признало право экстерриториальности немцев на своей территории и начало думать над тем, чтобы сохранить собственную независимость и не быть поглощенным новообразован-

ной Священной Римской империей Германской нации. Потому-то и пригодились старые вояки типа Хайкса, которые знали, как воевать, и которых побаивались немцы, зная стойкость и упорство британцев в обороне.

Сначала дед стал охотником-проводником. В Южную Африку приезжали многие – русские, немцы, британцы, североамериканцы, дабы развлечь себя охотой на крупного и опасного зверя, – и дед им в этом помогал, он проводил их такими тропами, которые знал только он и матабелы, он подводил их на выстрел к таким слонам, от которых сейчас остались одни лишь легенды. Он открыл частную охотничью компанию, слава о проводнике всё больше распространялась по свету, постепенно он взял в аренду земли в несколько десятков раз больше, чем составляло его поместье, нанял людей и снова встал на ноги. Налаженное дело продолжил Генри Хайкс, сын Джека Хайкса и отец Томаса Генри Хайкса.

Но одно оставалось неизменным, и даже война не смогла ничего изменить. Все Хайксы остались подданными британской короны, и каждый из Хайксов-мужчин служил в армии Ее Величества. Правда, Томас Хайкс оказался единственным из рода, кто посвятил себя армии всего, без остатка, начав служить в Гвардейской бригаде и потом, пройдя экзамен, в САС. В САС нельзя служить наполовину: или ты служишь – или нет.

...Сейчас Томас Хайкс, осторожно и неторопливо ступая по раскисшей от дождя земле, вел группу. Он не торопил-

ся, он знал цену ошибки, он внимательно осматривался, и его спокойный, несуетный взгляд замечал то, что другие просто пропустили бы. Вон там поперек маршрута их движения прошло довольно крупное животное, даже не прошло – проломилось. Он плохо знал местный животный мир и поэтому не мог определить по следам, кто именно это был. Вон там водой подмыло корни дерева, скоро оно рухнет. Вон там...

Разведчик не подал вида, что что-то заметил, он так же шел, стараясь не поскользнуться и не на шуметь, только теперь он знал, что с левого фланга кто-то есть.

Всё-таки казаки ошиблись. Точнее, ошибся сам сотник Велехов. Он переоценил сербов, он ни разу не ходил с ними в совместные вылазки, но решил, что, если те ходили в Австро-Венгрию и вернулись назад, значит, они умеют действовать в лесу и оставаться невидимыми. Подсознательно он сравнил сербов с казаками, хотя сравнивать было нельзя. Казачата готовились к службе с детства *на профессиональной* основе, их готовили к службе люди, прошедшие не один локальный конфликт, чаще всего – казаки, отслужившие на Востоке и знающие, что такое повстанческая война. А вот у сербов не было ни традиций, ни должной *военной* дисциплины, они были мстителями, но не военными. Их вряд ли бы обнаружили контрабандисты, поляки или хорваты из усташеских банд, но против британского следопыта-спецназовца они шансов не имели.

Выйдя из опасной зоны – это было поле, мерзкое раскис-

шее поле, перемежаемое перелесками и отдельными деревьями, Африканец огляделся. Ливень утих, но дождь все еще шел, нудный дождь, морось, влага, висящая в воздухе. Африканец остановился и стал ждать своих, не подозревая, что уже находится в перекрестье прицела.

Казачи

Мерзкая, дождливая ночь сократила прицельную дальность до нескольких десятков метров – это если не использовать никаких современных прицельных приспособлений. А для тепловизора, установленного на «Кобре», мелкая морось давала отличный фон, на котором силуэт человека выделялся ярким пятном на монотонном сером фоне. Соболь подвел к остановившемуся и привставшему на колено человеку красное перекрестье прицела, на мгновение, ошупью включил дальномер. Шестьсот пятьдесят. Это много, тем более – ночью.

Где остальные?

Соболь подстроил прицел, жертвуя увеличением ради широкого поля зрения. Ага, вот еще... еще... и всего-то?

Четверо. И больше никого.

Это что – диверсионный отряд? Всего четверо? Не похоже. Больше это смахивает на разведывательный патруль дальнего действия, на такую же группу пластунов, как и они сами. Если чужаки пройдут чуть дальше, то обнаружат либо их засаду, либо укрытые до поры бронетранспортеры. Четверо – это совсем не та добыча, ради которой стоило бы затевать охоту, кем бы ни были эти четверо. Ежу понятно, что после того, как засада будет реализована, противник поймет, что на его группы, переправляющиеся через границу, ведет-

ся охота. И сменит тактику, затаится.

Сотник положил ладонь на плечо стрелку, Соболь, не глядя, коснулся ее пальцем четыре раза – четверо. Тогда сотник, поймав его руку, на условном языке задал вопрос. Стрелок ответил отрицательно, то есть больше никого нет.

Говорить, даже шепотом, они уже не решались.

САС

Первый сержант едва не запнулся за своего разведчика, залегшего в раскисшей земле. Весь его немалый опыт позволил обнаружить разведчика только за пять метров, если бы это был противник, он, скорее всего, был бы уже мертв.

Первый сержант привстал на колени рядом, ревностно оберегая от грязи свою винтовку.

– Что?

– Засада, – ответил разведчик едва слышным в шуме дождя шепотом, – слева.

– На выходе?

– Да...

Первый сержант и сам подозревал нечто подобное, но конкретно ничего не заметил. Тут была холмистая местность – плоские, поросшие деревьями холмы, переходящие в перемежающиеся перелесками поля картофеля. Здесь, в этих холмах, можно было легко маневрировать, уходить от обстрела, самим наносить неожиданные удары, но в то же время здесь было раздолье и для засады противника. Проклятый лаз – в нем побеждает тот, кто застанет противника врасплох.

Рядом с шумом плюхнулся в грязь Бит.

– Засада слева, – проинформировал его командир.

Кенсилворт не пошевелился – сразу понял, что за ними

наблюдают, и если до сих пор не открыли огонь – значит, неспроста.

– Уходим левее, – предложил Африканец, – это, наверное, отсечная позиция.

Опытные специалисты, имеющие за плечами британскую Индию, САСовцы сразу просчитали возможный рисунок засады. Позиция у самой границы, на кромке леса, может быть не единственной, она может превратиться в наковальню, призванную отсечь отряд противника от леса и от границы. А где-то там впереди будет молот – атакующий отряд, вероятно, с тяжелым вооружением и даже бронетехникой. Первым делом, пока это возможно, надо уйти вправо или влево, выскользнуть из пространства между молотом и наковальней и получить свободу маневра. Потом, получив ее, они смогут атаковать либо молот, либо наковальню с неожиданной позиции и за счет бесшумного оружия основательно проредить их ряды. Либо просто уйти обратно через границу.

– Влево. Ищи позиции! – решил Миддс.

– На кромке леса, босс.

Казачи

– Они уходят! Левее! – прошептал Соболь, и то, что он осмелился произнести это вслух, яснее всего свидетельствовало о том, что план трещит по швам.

Сотник попытался поймать их в прицел пулемета, но видно было очень плохо. Британцы не сблизились с ними, не вошли в «мешок» между молотом и наковальней.

– Просекли?

– Или догадались...

– Идут к лесу.

– Не стрелять!

Только бы не начали стрелять сербы. Если начнут, то засада накроется уже капитально. Тут может получиться так, что эти просто скроются в лесу, может, они ничего и не видели, просто почуяли неладное и решили скрыться. Если начнется стрельба, на дальнейших засадных действиях можно поставить крест.

Сербы

Огонь открыли сербы. На сей раз они дождались куда лучшей дичи. Отряд британцев скрылся в лесу, вышел из зоны огня, но примерно через двадцать минут появился другой отряд. Всё как положено – с головным дозором в три человека, у каждого из которых были приборы ночного видения. Дальше, на удалении примерно в сто метров, шли основные силы в колонну по одному. Но был еще и фланговый дозор...

Усташи

Фланговый дозор состоял из трех человек, у которых был один пулемет. Вообще с каждым из дозоров – головным, фланговым, замыкающим – было по пулемету, потому что малое количество личного состава следует уравнивать усилением огневой мощи.

В левый фланговый дозор попали только усташи – военизированные формирования усташей считались намного более боеспособными, нежели боевые отряды польской эмиграции. Из поляков вообще получались плохие воины: фанатичные, готовые умереть за Польшу, но в бою неустойчивые, слабо дисциплинированные, склонные к неразумным атакам и так и не понявшие, что лучше не умереть за Польшу самому, а сделать так, чтобы за Польшу умирали другие, ее «оккупанты» – так они называли русских. У усташей же не самая лучшая военная подготовка компенсировалась хитростью и звериной жестокостью.

Как получилось так, что в начале двадцать первого века на территории просвещенной Европы активно, варварски действовали усташеские отряды? Как же так вышло, что этого никто не замечал, никто не замечал творящейся дикости, более соответствующей исполненному жестокости и фанатизма европейскому Средневековью? Да просто никто не хотел замечать, вот и всё. Хорваты вообще рождались и жили в об-

становке вялотекущей гражданской войны. Ведь это были те же сербы, только перешедшие в католичество, их столицей был Загреб. Сама Великая Хорватия была краем сельскохозяйственным: много лесов, мало хороших дорог – такой край словно был создан для повстанческой войны. Кто только ни скрывался в балканских лесах – сербские четы, албанские (арнаутские) банды, активно вытесняемые из албанского королевства – вассалитета Италии, откровенные разбойники и бандиты без особых политических взглядов. Созданные адвокатом (поглавником) Павеличем для геноцида сербов, теперь эти отряды превратились в нечто вроде параллельной армии, а в сельской местности подменяли полицию и выполняли роль отрядов самообороны. Самообороны от тех, кто скрывается по лесам. Дети, в семь-восемь лет получавшие свое первое оружие, становились усташеским пополнением, усташа казались им защитниками, спасающими село от набегов. И самое страшное, что если не смотреть на картину в целом, – то так оно и было.

И потому четников не пугали ни чужой лес, ни дождь – они сами не раз, еще будучи пацанами, участвовали в прочесывании в лесу и знали, что делать, чтобы остаться в живых. Они шли короткой цепочкой, пустив вперед самого молодого, дальше шел командир дозора, дальше – пулеметчик, он шел последним, чтобы в случае чего успеть занять позицию и прикрыть остальных. Шли они, не видя основного строя и ориентируясь лишь по компасу и едва слышному шуму, до-

носящемуся оттуда, где шла колонна. Каждые десять минут к ним высылали посыльного из основной колонны – это было связано с тем, что в пограничной зоне следовало соблюдать радиомолчание.

Сербы рискнули – они расположились так близко к основной тропе и замаскировались так хорошо, что, несмотря на весь свой опыт, фланговый дозор усташей их не заметил. Прошел буквально в нескольких шагах, оскальзываясь на мокром склоне холма, едва заметный в темноте и пелене мороси.

О том, что нет посыльного, хорват побеспокоился не сразу – они шли вперед еще минут пять, прежде чем командовавший дозором поглавник посмотрел на часы. Затем вспомнил, когда последний раз к ним прибежал посыльный – с того времени прошло двадцать три минуты.

– Где посыльный? – спросил он, резко остановившись.

Никто не ответил.

– Франтишек, живо до поглавника!

Но не успел Франтишек – молодой хорват, только год назад ставший полноправным усташом и ушедший в лагерь лишь потому, что в его родном селе не было работы – пробежать и несколько метров, как ночь взорвалась паутиной огненных трасс. Одна из них сразу же нашла Франтишека – и он рухнул там, где стоял, орошая своей кровью ставшую враз негостеприимной польскую землю...

САС

– Босс!

Первый сержант и сам видел, что произошло – и видел, и слышал. Но теперь они вышли из-под удара и были готовы нанести ответный.

– Фрукт, прикроешь. Остальным работать засаду.

Казачи

– Где бэтээры?! Где они, мать их?!

– Выдвигаются! Застряли!

– Мать их в дыхало!!! Пусть на руках вытаскивают!

План летел ко всем чертям. Сербы недостаточно далеко отпустили основные силы хорватов от своих позиций – и теперь получилось, что хорватам удалось сблизиться с ними, а вот от позиции казаков, где их ждали пулеметы – верный козырь в любой игре, – наоборот, было слишком далеко. Нет, пулеметы до них очень даже добивали, а вот ночной прицел на такой дистанции уже был бесполезен...

Сняв бесполезный прицел, сотник бил по вспышкам, пытаясь подавить прежде всего пулеметчиков противника. Пулемет содрогался, одну за одной выпуская короткие очереди, каждый третий патрон в ленте был трассирующим – и при каждой очереди то один, то два светляка, каждый размером с шаровую молнию, летел в сторону поляков. Но Велехов ничуть не сомневался в малой эффективности такого огня – он бил по целям, которые не видел, никто не корректировал его прицел. Если он кого-то и мог зацепить, так только случайно...

– Где броня?!

Откуда-то сбоку и с тыла глухо забухал крупнокалиберный одного из бронетранспортеров – не в силах выбраться из

раскисшей каши, казаки открыли огонь вслепую, больше для того, чтобы напугать противника. КПВТ тоже бил трассерами, красными, и каждый трассер был как маленькое солнце...

В последний раз лязгнув, умолк ПКМ. Сотник повернулся, грязный, измазанный с головы до ног, с дико сверкающими глазами.

– В атаку, казаки!

Подхватив лежащий рядом автомат, он встал в полный рост и, оскальзываясь в грязи, побежал вперед...

САС

Что ночной, что тепловизорный прицелы на винтовках британцев работали почти на предельной дальности, давая вместо четкой картинки мутные разводы, в которых с большим трудом можно было опознать человеческие фигурки. Сербы были в заранее отрытых окопах, и это еще больше затрудняло охоту, слишком мала была видимая мишень.

Плюсом для британцев было то, что в горячке боя на них никто не обращал внимания.

Бронетранспортеры первым заметил Фрукт. Снайперы заехали на деревьях, а он остался внизу, прикрывать их. Найдя подходящую позицию, он направил пулемет туда, откуда можно было ждать подкреплений – в сторону казарм пограничной стражи, которые, если верить картам, находились в нескольких милях отсюда. Дороги все развезло, вряд ли русские успеют сюда быстрее, чем через полчаса, даже если они знают про перестрелку. Фрукт оторвался от пулемета, чтобы осмотреться, и увидел едва заметные темные тени в поле, примерно в километре от их позиции. Он привстал, чтобы разглядеть их – в этот момент один из бронетранспортеров открыл огонь.

В темноте это выглядело страшно. По-настоящему страшно, не так, как в обычном бою – там тоже стреляют трассерами. Но не так. Отдельных трассеров видно не было – просто

раздался грохот, и словно раскаленная, прямая дуга электрического разряда пролегла между бурчащей дизелем черепахой и склоном, где шел бой. И там, куда уперлась эта дуга, во все стороны полетели искры. А потом это произошло еще раз. И еще...

Команду на отход голосом давать было поздно, поэтому первый сержант просто вырвал из кармана разгрузочного жилета стакан одноразовой ракетницы, дернул за кольцо. Ракетница больно отдала в руку, плюнула в небо сгустком огня, миг – и красный светляк повис над полем боя, качаясь на парашютике и освещая мерцающим алым светом всю картину ночного боя – трассы очередей, вспухающие на склоне среди деревьев разрывы гранат, животный вой и ор с обеих сторон.

Пустив ракету – сигнал общего отхода, возможно, уже бесполезный, сержант полетел с дерева вниз и сделал это как нельзя вовремя – по веткам деревьев, пока по самому верху, протарахтела пулеметная очередь, на САСовцев посыпались ветки.

Кто-то толкнул сержанта в бок – оказалось, Фрукт.

– Сваливаем!

– А эти?

– Сваливаем, говорю тебе! Общий отход, пусть выкручиваются сами!

Вторая очередь легла уже ниже, пули чесанули по деревьям – смерть искала их.

Группа поддержки

Один из вырвавшихся из грязевого плена бронетранспортеров выбрался на огневую позицию. Сидевший за пулеметом урядник лихорадочно пытался понять, кто где, кто свой, а кто – противник. По идее на позициях своих был маяк – вспышка, но это по идее, а на деле вспышек этих было так много, что понять, кто где, можно было лишь приблизительно. Не решаясь использовать КПВТ, он дал очередь только вверх, чтобы пугнуть – казак начал стрелять частыми, прорезающими лес очередями из ПКТ, благо две тысячи патронов – хватит надолго...

Сербы

Очередной магазин вылетел в считанные секунды, какое там прицеливание – убить, пока не убили тебя! Божедар не первый раз ходил на ту сторону, но там всё было по-другому. Ни разу они не схватывались с численно превосходящим противником накоротке. Да так, что от своих позиций до позиций противника – рукой подать. Они знали свои возможности и выбирали противника по себе, а если такового не было, просто возвращались.

Что-то плюхнулось в грязь, удивительно, но молодой серб услышал это сквозь грохот жестокого боя.

Он и сам не понял, что подняло его из окопа – нет, не взрыв. Он должен был умереть в эти секунды – в окоп и в самом деле скатилась осколочная граната. Но он выскочил из окопа, автомат выплюнул последние пули – и так, с пустым магазином, серб бросился в самоубийственную атаку.

– Живео Сербия!!!

Где-то впереди, на черном бархате ночи, среди теней древесных стволов затрепыхался в руках усташа ослепительно желтый цветок, но пули чудесным образом миновали серба. С разбега он врезался всей своей массой в усташа, валя его на землю. Усташ попытался выхватить сербосек, но сербосек не предназначен для боя, сербосек предназначен для того, чтобы максимально быстро забить человека, как скотину,

из ножен же его быстро не достанешь. Серб успел первым, у него был хороший боевой нож, без гарды, с двусторонней заточкой и мгновенно выхватывающийся. Рука сама нащупала его, выдернула из ножен, Божедар ткнул наобум раз, второй, и нож со всего размаха наткнулся на что-то твердое и застрял. Усташ был взрослым и сильным, несмотря на ножевое и пулевое ранения он попытался перевернуться, чтобы оказаться наверху, но серб не позволил ему это сделать. В следующую секунду нестерпимая боль в глазах едва не заставила Божедара отпустить усташа, ему показалось, что оба его глаза вытекают на лицо. Но он не поддался – мотнул головой, что-то попало ему, и он вгрызся в это, вгрызся со звериной, нечеловеческой яростью, чувствуя омерзительный вкус того, что он грыз, и соленую влагу, наполняющую рот. Два человека, молящихся по-разному одному и тому же богу, сцепившись в смертельном объятье, грызли, душили, били один другого в отчаянной попытке спасти свою жизнь и забрать чужую. Усташу всё же удалось перевернуться, он оказался вверх – и в этот момент в метре от них пуля КПВТ напрочь перебила ствол дерева, под которым они сцепились в смертельной схватке. Обрубок ствола начал медленно падать на них...

* * *

Ночью, в пограничном лесу, почти ничего не видя из-за

деревьев и дождя, люди по сути одной крови, но разной веры свирепо истребляли друг друга. Они стреляли друг в друга, резали, били, сходились в рукопашных схватках, использовали ножи, тесаки, саперные лопатки. Они убивали друг друга не только потому, чтобы самим не быть убитыми, но и потому, что ненавидели друг друга и желали друг другу смерти. В этом озлобленном, рычащем, кричащем, плюющемся свинцом и поливающим землю кровью человеческом комке нельзя уже было различить отдельных людей, люди слились в нечто единое. Но слились не в акте любви, дающем новую жизнь, а в акте ненависти, приносящем только смерть и страдания. Потом, позже, люди дадут громкие определения этому – героизм, свобода, месть, желая словами этими заслонить истинный смысл происходящего. И в противоестественном человеческой природе этом акте, как и в акте любви, тоже зарождался плод, но это не был плод любви. В этом соитии ненависти, жестокости и смертоубийства, под плачущим дождем небом зарождалось зло...

Утро следующего дня

Лес

Вороны... Проклятые вестницы смерти, сопровождающие ее во всей человеческой истории, уже были здесь. Надсадно каркая, они рассаживались по деревьям, зыркали антрацитно-черными бусинками глаз по сторонам, примеряясь к павшим и словно спрашивая живых: «А почему ты жив? А почему ты не с теми, кто пал? А почему ты еще человек, а не кусок остывающего, годного к употреблению мяса?» И у тех, кто остался живым в этой бойне, не было ответа на эти вопросы. И поэтому они просто отгоняли этих ворон, бросали в них палки и комки грязи, потому что стрелять было нельзя. Граница.

Но вороны не улетали. Лениво поднявшись на крыло, они перелетали на соседнее дерево и снова начинали пытаться выживших. Пытаться вопросами, на которые не было ответа.

– Ты извиняй, пан командер... – сказал Радован, – но боле мы так не пойдём.

Сотник устало махнул рукой. Кружилась голова. Он уже сожрал таблетку, оставшуюся у него с армейских заначек – легче не становилось. Разве что в голове прояснилось, но сотник знал, что за эту таблетку потом придется расплачиваться жесточайшей головной болью.

Из леса выносили и рядом складывали трупы. Отдельно сербские, отдельно остальные, тех, кто попал в засаду. Сербских пока было восемь. Усташей перевалило за три десятка. И это было еще не всё – казаки прочесывали лес.

– Господин сотник!

Еле переставляя ноги по чавкающей, напитанной влагой земле, сотник пошел на зов. Соболь ждал его у лежащих на плащ-палатках тел погибших четников.

– Что тебе?

– А вот. Сюда глянь.

Сотник глянул, и ему стало так плохо, что захотелось завывать. Завывать, выколоть себе глаза – просто, чтобы никогда больше этого не видеть. Перед ним на плащ-палатке лежала девчонка, четница. Совсем молодая...

– Что? – не понял сотник.

Вместо ответа снайпер показал на запекшиеся кровью волосы.

– Ранение в голову. Очень точный выстрел. У троих из четверых то же самое. И как минимум один трехсотый, тяжелый – так же.

– Снайпер?

– Он самый.

– Откуда?

Соболь огляделся по сторонам. Он вытащил из окопа всего лишь эту девчонку, но как лежала убитая, запомнил.

– Вон оттуда. Примерно на час¹⁴.

– Сходим?

– А и давай.

– Чебак! – заорал Велехов, расплатившись за это очередным взрывом головной боли.

Неловко придерживая трофейный пулемет, к ним подбежал Чебак.

– Певец где?

– Его... дифензива мордует... с есаулом зараз приехали.

– Чего ж его?

– За нас потом возьмутся. Есаул сказал – не уходить никуда.

Сотник махнул рукой.

– Надо, найдут, на то и дифензива. Пошли. Я первый...

Оскальзываясь на размокшей от дождя почве, вытянувшись в редкую цепочку, казаки двинулись вперед. Первым шел Велехов, потом Соболев, последним – Чебак, сдури схвативший трофейный пулемет – как малый, прямо. Сотник внимательно смотрел себе под ноги – еще лучше было бы обзавестись какой-никакой палкой, но палки не было.

– Где?

– А вон к тому леску правь, – сказал Соболев, – не думаю, что они с открытой местности работали. Откуда-то сверху...

Лесок здесь выдавался в кошеную ленту поля небольшим

¹⁴ Стандартное определение направления в русской армии. Циферблат часов, двенадцать – это север.

огрызком – сразу было видно, что происходивший западнее бой затронул и это место. В некоторых местах ветви были сбиты, а древесные стволы похлестаны пулями.

– Рассредоточиться. Искать следы. На удаление прямой видимости. Опасаться мин.

Последнее было маловероятным – ночью, в боевой обстановке, когда хлещет пулемет, да вот-вот КПВТ врежет со всей дури, не до мин. Но всякое бывает, лучше подстраховаться.

– Командир! – почти сразу позвал Соболев.

Сотник подошел, глянул по сторонам – прежде всего он искал гильзы, потому что если был бой, то не может не быть гильз. Гильзы часто бывают блестящими, обнаруживаются легко. Но гильз не было – только сырая, покрытая хворостом и листовой гниющей подстилкой земля.

– Что?

– А вот – глянь.

На стволе дерева в нескольких местах были грязные разводы. Сотник отковырнул кусочек уже почти засохшей грязи, посмотрел себе под ноги, потом туда, откуда они пришли. Вновь посмотрел на свои, измазанные грязью, весящие под целую тонну говноступы.

– Гильз нету?

– Нет. Думаю, винтовка с мешком. Получается, еще прицел был, и неслабый прицел. Для такой-то дальности. И глушитель.

Гильзоулавливатель, прицел и глушитель. В строевые команды такое оружие не выдают. А гильзоулавливатель вообще в армии почти не применяется, Велехов за все время службы не получал оружие с гильзоулавливателем. Нет их ни на снабжении армии, ни на снабжении казаков. А тут, похоже, был.

– Петр Михеевич! – заорал откуда-то издали, даже голос был приглушен расстоянием, Чебак. Двое казаков поспешили к нему.

– Ты куда зараз рванул, сукин кот? – спросил Велехов. – Сказано было: на удаление прямой видимости. Мабуть с головой распрощаться хочешь.

– Смотрите.

Соболь присел, щупая почву. Потом острый глаз его заметил что-то непонятное, необычное – его рука мгновенно метнулась в том направлении, он поднял несколько листьев, поднес к глазам, потом попробовал языком.

– У них трехсотый, – озвучил он, – как минимум.

Трое казаков, не сговариваясь, посмотрели в темный, мрачный, поросший кое-где сломанным кустарником лес.

– Сходим? – с надеждой предложил Чебак.

– Совсем с головой не дружишь? – выверился сотник. – Я зараз схожу. Это тебе не к сербам бегать. Да... пулемет им отдай. Их доля. Честная...

18 июня 2002 года

Тегеран

Есть одна очень хорошая поговорка. «Самое первое чувство – самое верное и искреннее, и поэтому его следует всегда оставлять при себе». Увы, но не всегда так получается.

Сегодня я уже ругал себя за то, что сказал вчера. Это были слова, достойные салонной истерички, но не русско-го офицера, имеющего особое задание, и не посла великого государства. В разведке нет понятия «отбросы», в разведке есть понятие «годный к вербовке материал» и «материал, не представляющий оперативного интереса». И на то, что от материала воняет за километр, настоящий разведчик не обратит внимания. Даже обрадуется – такими «отбросами» проще управлять.

И всё-таки видеть наследника больше не хотелось...

Наверное, сейчас кто-то обвинит меня в лицемерии и лживости. Напомнит Бейрут. Напомнит и Белфаст – тоже есть что напомнить. Вряд ли кто-то знает про это – и про то, и про другое, но допустим, что напомнит. И будет не прав.

Разница между этим всем есть. Она в том, что всё, делавшееся в Бейруте и Белфасте, было вынужденной необходимостью. Именно вынужденной, и каждый, кто этим занимался, понимал это. Здесь же – это не вынужденная необ-

ходимость. Это норма, чудовищная норма, когда армейских офицеров строят на плацу, выбирают по жребии одного из них и заставляют направлять асфальтовый каток на человека. Пусть на террориста, но всё-таки человека. А наследник, будущий глава государства, с удовольствием наблюдает за этим.

Поняли разницу? Если нет, то и читать дальше не стоит. Не поймете...

Чувствовал я себя скверно – более чем. Болели ноги. Во время не промытые и с грехом пополам обработанные раны дали о себе знать. А то, что я не вовремя обратился к эскулапам и пару дней просто терпел боль – дало знать еще хлеще. Почти сразу после того вояжа в тюрьму особого режима и бессмысленно жестокой казни я свалился пластом – в тот же вечер и целую неделю не мог встать. Посольский доктор, отогнав от меня местных эскулапов, осмотрел мои ноги и сказал, что, если я не хочу заражения крови, надо принимать меры, и принимать их быстро. В конечном итоге меня эвакуировали на крейсирующий в Персидском заливе авианосец «Николай Первый», где мной занялись уже флотские эскулапы, привычные к самого разного рода травмам и осложнениям. Эвакуировали вертолетом, который сел прямо у посольства, на одной из больших лужаек. Удивительно, но ноги мои остались до сих пор при мне, и через неделю меня переправили обратно, снабдив несколькими пачками каких-то антибиотиков, которые мне прописали принимать по два раза в

день. Но это ерунда, главное – не ампутация.

Это я так шучу. На самом деле – прескверная шутка, никому не советую повторять. Умереть от инфекции – не мужская смерть, даже если инфекция вызвана ранениями при взрыве.

Чем занималась моя супруга, Аллах знает, но встретила она меня подозрительно приветливо и даже наградила настоящим, жарким до невозможности поцелуем. Если женщина так себя ведет – значит, чувствует за собой вину. Но проверять было некогда – я тоже чувствовал за собой вину, и вину немалую. Сколько времени уже здесь, а полезной информации ни на грош.

Так не работают...

От госпитализации еще на какое-то время я отказался наотрез – накачать антибиотиками меня сможет и местный посольский врач, а больше ничего не нужно. Поэтому с самого утра я поехал в посольство.

Добрался нормально – Тегеран по утрам был вообще тихим городом, а зеленая зона – еще тише. Было жарко, как и всегда летом, в здании посольства настежь были открыты все окна. Из дома я выехал рано, Тегеран пока не проснулся, движения почти не было.

У самой ограды посольства стоял белый экипаж Баварских моторных заводов, на него я обратил внимание сразу – вообще, все припаркованные у посольства незнакомые машины надо немедленно брать под контроль. Номера – обыч-

ные, гражданские, за слегка затемненным стеклом – отчаянно зевающий водитель. Вмешиваться не стал, но решил, что как только доберусь до своего кабинета, сразу вызову командира группы охраны посольства и спрошу его, что это за машина припаркована у самых ворот. Если он не сможет сразу ответить, значит, с обеспечением безопасности посольского здания у нас явные проблемы.

Охрана поприветствовала меня, справилась о моем здоровье. Здесь все были свои, и все понимали, что просто так ранение, да еще минно-взрывную травму осколками фугаса, посол получить не может. Да и про мое звание тоже было известно – это секретом не делалось. Поэтому стоявшие в охране десантники считали меня своим и отдавали честь искренне, это сразу было заметно. Насколько я знаю, некоторые «ответственные лица» награждали стоящих на часах «катеринками» с наказом выпить вечером за их здоровье, но я этого не делал, понимая, что это обидит десантников.

В присутствии, как всегда, было пусто, нанимать секретаря я не видел смысла, в кабинете я бывал редко, а любой посторонний человек – риск утечки информации. Даже информация о посетителях и времени прихода-ухода может быть весьма и весьма опасной. Цветы если и поливали, то нерегулярно.

А еще в кабинете кто-то был...

Это я понял очень просто. Если уходите из помещения, в котором есть что-то важное и ценное для вас, оставьте в

косяке двери нитку или волос, а потом посмотрите, осталась она на месте или нет. Я оставлял белую нитку, но клал ее наверх, на полотно двери. Именно эта нитка валялась сейчас на полу перед дверью.

Весь обратившись в слух, я осторожно взял графин – большой, массивный, хрустальный, – вылил имевшуюся там воду в горшки с цветами. Оружия у меня с собой не было, послу носить его не пристало, тем более в посольстве, но в умелых руках и графин – оружие. Поудобнее перехватив его за дно – и не выглядит подозрительно, и бросить можно быстро и точно, – я толкнул от себя дверь кабинета.

– Ваше Сиятельство?!

В углу в одном из двух кресел «гостевого уголка» в гражданском, ослепительно белом костюме сидел Его Сиятельство, шахиншах Персии Мохаммед. Увидев меня, он поднялся мне навстречу, не обращая внимания на графин. Хотя ведь понял, для чего он – по мелькнувшему хищному взгляду заметно: понял!

– Я решил лично поздравить вас с выздоровлением, экzellenц... Так, кажется, принято обращаться к послу?

– Совершенно верно... Ваше Сиятельство... разрешите...

Я оглянулся по сторонам, поставил пустой графин на стол.

– Давайте, присядем здесь, – шахиншах показал на приставной столик у моего большого письменного стола – за ним можно было сидеть друг напротив друга.

Что происходит, чем вызван этот, вне всяких сомнений,

странный визит, я не понимал.

– Я решительно рад вашему выздоровлению, Искандер... – сказал шахиншах, и по его голосу не было понятно, действительно ли он рад, или просто это формула дипломатического этикета. – Я был очень удивлен, когда вы отказались от услуг наших врачей. В Тегеране есть медицинский университет, и вот уже пятьдесят лет там преподают лучшие русские доктора. На это время они взрастили немало лекарей-персов, истинных наследников Ибн Сины.

– Ваше Сиятельство, я не сомневаюсь в квалификации этих лекарей и приношу глубочайшие извинения за то, что своим поступком поставил под сомнение их профессионализм. Но такие ранения, какие были у меня, лучше всего умеют лечить военные медики, работающие на кораблях флота.

– Сорейя-ханум несколько раз приглашала вашу супругу во дворец, чтобы узнать о вашем самочувствии и поинтересоваться, не надо ли вам чего. Она порывалась навестить и вас, но я запретил это делать, потому что больного мужчину может навещать лишь другой мужчина. Женщины не должны видеть нашей слабости.

– Передайте мою искреннюю благодарность Сорейе-ханум и сообщите ей, что, хвала Аллаху, я поправился.

– Да, хвала Аллаху. Сорейю-ханум разбирает любопытство, при каких обстоятельствах вы получили столь тяжелые ранения?

– Увы, Ваше Сиятельство, тяжелы были не раны, тяжела была моя самонадеянность и глупость, едва не похоронившие меня под тяжестью своей. Я уподобился ослу, который сам взвалил на себя хурджин весом больше, чем он мог унести. Я не обратился вовремя к услугам докторов и от этого едва не погиб. А ранения эти я получил в Багдаде, когда взорвали отель «Гарун Аль-Рашид». Я как раз находился на первом этаже, когда произошло это мерзкое злодеяние.

– Это действительно мерзкое злодеяние, экселенц, – подтвердил Светлейший, – и те, кто совершил такое, заслуживают мучительной смерти.

Очень интересно играть в такие игры. Они называются: ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь. Или «Да и нет не говорить, черное и белое не называть». Чертовски интересно.

– Мерзкое, – подтвердил и я, – и когда этих ублюдков поставят перед судьей, я бы не надеялся на то, что судья проявит к ним снисхождение.

Шахиншах тяжело вздохнул, потом провел ладонями по лицу, как при совершении намаза. И словно снял с себя маску, теперь на меня глядел совсем другой человек, жестокий и решительный.

– Оставим словесные игры, экселенц. Я знаю, что у вас произошло с моим сыном. Я знаю, что он вам показал и какова была ваша реакция. Я хочу спросить вас, экселенц: то, что произошло на ваших глазах, – справедливо?

– Нет, Светлейший, – ответил я.

Шахиншах хищно улыбнулся.

– Рад это слышать. На свете найдется немного людей, которые рискнут не согласиться со мной. Тем ценнее ваш ответ, и тем больше я хочу услышать объяснения. Почему же вы считаете произошедшее несправедливым, Искандер? Ведь и у царя Александра за терроризм полагается смерть.

– Да, смерть, Ваше Сиятельство. Но никто в вашей стране не подумает совершить такое, что сделал ваш сын. Да, террористов повесят или расстреляют. Но никто и не подумает раздавить их строительным катком, причем заставить это сделать офицеров одного из гвардейских полков, а остальных поставить в строй наблюдать за этим зрелищем. Не следует множить зло без необходимости. У нас казнь – необходимость, у вас же она – месть и кровавое развлечение. Это плохо.

Шахиншах задумался, пригладил пальцем аккуратные усики.

– Вы жили в другой стране, Искандер, и не знаете Востока. У вас всё по-другому. Иногда я удивляюсь тому, как живут на севере. У нас казнь – это не просто казнь. Казня своих противников, преступников, заговорщиков, глава государства должен не просто их убить. Он должен вселить страх в сердца своих подданных, заставить их просыпаться по ночам в страхе и вспоминать то, что они видели. Иначе это будет повторяться – раз за разом. Здесь любовь и страх – почти одно и то же. Вы мало пробыли на Востоке, экселенц, что-

бы понимать, какова здесь жизнь и как следует править. Но, пробыв здесь подольше, вы поймете – и согласитесь со мной.

– Господь един, Ваше Сиятельство, и карает он по делам.

– Но разве та кара – не от Господа?

– Увы, нет.

Шахиншах снова помолчал, но смотрел он теперь на меня по-иному. В его взгляде проскальзывало что-то еще, что-то, чего там никогда не было.

Уважение...

– Я не могу просить за своего сына, экселенц, но я прошу от своего имени – выполнить мою просьбу. Вы ведь помните ее.

– Я помню ее, Ваше Сиятельство. Воистину мне стыдно за слова, сказанные мной наследнику, но тогда я уже был болен. Моя задача – научить наследника чему-то новому, оградить его от ошибок, какие он может совершить, – и даже в том случае я должен был указать ему на его ошибку и оградить от нее.

– Я рад это слышать...

Шахиншах снова задумался, а потом сказал такое, чего я никак не ожидал услышать:

– Знаете, Искандер... У нас в стране есть такая форма монаршей милости – когда я милостиво выслушиваю просьбы особо отличившегося подданного и исполняю их, какими бы они ни были. В разумных пределах, но эти пределы широки. Я знаю, что у вас в посольстве накопилась масса нере-

шенных вопросов – от ваших купцов, от наших купцов. Есть неподписанные контракты, есть вопросы, которые не решаются из-за нашей проклятой бюрократии, которую даже я не смог победить. Я готов оставаться здесь столько, сколько это потребуется, и лично рассмотреть любой вопрос, который вы посчитаете нужным передо мной поставить.

Не знаю, был ли где-то и когда-то такой посол, который добивался бы такого. Орден святого Владимира за подобное решение вопросов – в самый раз, никак не меньше.

– Ваше Сиятельство. Я нижайше благодарю вас за оказанную мне и нашему государству честь и нижайше прошу позволения пригласить в кабинет моего помощника, чтобы со всем уважением изложить все просьбы и ходатайства, которые у нас накопились на сей день.

Я снял телефонную трубку, набрал короткий номер.

– Варфоломей Петрович?

– Ваше Превосходительство? С возвращением...

– Спасибо. Извольте немедленно собрать все требующие решения дела по всем отделам посольства. Особенно коммерческие и торговые, я знаю, что у нас там завал. И сразу входите ко мне с докладом, не испрашивая позволения. Сколько времени это займет?

– Минут десять, Ваше Превосходительство.

– Десять минут. И ни минутой больше. Я вас ожидаю.

На решение всех дел ушло часа три – Варфоломей Петрович был профессионалом из профессионалов в этой ра-

боте и собрал, видимо, все дела, которые требовали решения, даже безнадежные. За это время мы добились контракта на строительство инфраструктуры добычи на двух новых нефтяных полях Каспия, контракта на поставку пятидесяти скоростных электровозов для грузовых перевозок, контракта на поставку десяти новеньких широкофюзеляжных самолетов, а также принципиального согласия на строительство второй очереди крупного производства по сжижению природного газа на одном из островов залива, контракта на строительство третьей очереди металлургического завода в Исфахане – это только самые крупные вопросы, которые удалось решить. Все эти контракты достались нам по мановению монаршей руки, без торга и на как нельзя лучше устраивающих нас условиях. Добились освобождения из тюрем нескольких придурков-студентов и перевода их для отбывания наказания к нам – там пусть полиция и суд разбираются дальше, главное, что юнцов вытащили. Напоследок даже пришла в голову мысль, что, если я ничего не добьюсь по моему неофициальному заданию, успехи на официальном поприще в качестве посла вполне окупают и оправдывают мое пребывание здесь. Интересно – почему так вопросы не решал Юрьевский? Вообще, чем больше я вникал в дипломатическую работу, тем больше понимал, насколько она важна. Успешность страны, ее влияние и вес зависят не только от количества мегатонн в ядерных загашниках и количества авианосных группировок в акватории Мирового океана, но и

от такой вот повседневной работы дипломатов, от активности послов, от налаженных контактов с властями стран пребывания. Вот, например, сейчас за какие-то три часа работы мы дали работу миллионам русских людей – хорошую, высокооплачиваемую работу, и работать они будут месяцы, если не годы. Это реальная польза Российскому государству. Часть работы достанется и местным, если здесь находится квалифицированная рабочая сила, то дешевле нанять ее, чем вывозить людей в командировки. На построенных заводах или импортированных электровозах будут работать местные и для местных. А если считать, что работа дипломата – это рауты, возлияния с местным чиновничеством да грозные или, наоборот, покаянные слова, когда интересы его страны в чем-то ущемлены, – такой дипломат далеко не пойдет.

Нижайше поклонились шахиншаху, я, в знак особого уважения, пошел проводить его до машины. Был уже почти что полдень.

– Может, всё-таки останетесь на обед, Ваше Сиятельство? – в который раз предложил я. – Посольский повар у нас просто замечательный.

– Дела государства требуют постоянного внимания. Сегодня мне придется работать до глубокой ночи.

Странная страна. Станные правители. Нельзя забывать о том, что страна эта – чужая, что это всё же не наша земля.

– Ваше Сиятельство, служба безопасности посольства мо-

жет сопровождать вас.

– Увы, Искандер, от этого будет только хуже. Вы ведь тоже отказались от лимузина и ездите сами.

– Это так.

– Угроза терроризма всё нарастает, проклятые фанатики не оставляют нас в покое. Любой лимузин, любой кортеж – мишень. Это все проклятые муллы, которых я изгнал из страны, – они сидят в Афганистане, в британской Индии, в Лондоне и проклинаят меня, призывают к убийствам. Всё потому, что до моего восшествия на трон почти вся земля в стране принадлежала им. Теперь она принадлежит мне – и они никогда этого не забудут.

Я чувствовал себя обязанным по отношению к шахиншаху. И хотел для него что-то сделать. Просто из чувства взаимности и человеческой благодарности – нормальное чувство и хорошая основа для будущих еще более тесных взаимоотношений. Если помогли тебе, помоги и ты, будь благодарен...

– Ваше Сиятельство, эти проблемы легко решаются, – заметил я.

– Увы, не в нашей стране. Никто не знает – сколько этих подонков проникло в службы безопасности. Вы знаете, что такое принцип «такия»?

– Мысленное отречение от того, что говоришь?

– Я рад, что вы изучали ислам, Искандер.

– Это нельзя назвать изучением. Ислам нужно изучать с детства, чтобы понимать его. Коран нужно знать наизусть, а

я не знаю и десятой доли того, что следует знать. Когда речь заходит об этом, мне становится стыдно.

– Со временем изучите. Принцип «такия» и в самом деле предполагает мысленное отречение от слов, которые ты проносишь. В моей стране большинство составляют шииты, а не сунниты. Принцип «такия» – не единственный, которому их учат с самого детства в подпольных медресе. Я запретил подпольные медресе, но они плодятся и плодятся. Как это вы говорите: как...

– Как грибы после дождя, Ваше сиятельство?

– Верно. Грибы – странное слово. Эти люди учатся лгать с детства, повзрослев, они проникают в полицию и спецслужбы с единственной целью – тайно вредить мне и государству. Мы живем в море ненависти, экселенц, и в любой момент оно может поглотить нас. Аллах знает, во что тогда превратится Персия.

– Ваше Сиятельство, проблему можно решить и не привлекая Ваших подданных. Я сам в прошлом успешно решал такие проблемы. И знаю, как их решать. Если позволите...

Шахиншах остановился, повернулся ко мне, посмотрел прямо в глаза.

– Вы действительно готовы помочь решить эту проблему, Искандер?

Не знаю, стоило ли вообще заводить этот разговор. Но раз завел, надо идти до конца. Отделаться сейчас шуткой, значит, потерять уважение к самому себе и потерять ува-

жжение шахиншаха.

– Я готов сделать всё, что будет в моих силах. Вы должны понимать, Ваше Сиятельство, что такое делается не сразу, и я должен получить... Высочайшее одобрение. Но обещаю вам, что я сегодня же напишу ходатайство на Высочайшее имя.

– Это было бы хорошо, Искандер. Я прошу привлечь моего сына, это возможно?

– Да, Ваше Сиятельство, это возможно. Насколько возможно, принц Хосейни будет привлечен. Если на то будет Высочайшее повеление.

– Я... понимаю, Искандер. И в любом случае благодарен Вам за участие в делах моего престола...

На дорожке в саду встретили пожилого, благообразного джентльмена, которого я никогда раньше не видел. Седовласый, прямой, как палку проглотил, в великолепном костюме – слишком темном для этой страны и этого климата. Он поклонился, видимо, Светлейшему, и Светлейший удостоил его небрежного кивка. Я не осмелился спрашивать, кто это такой – узнаю потом.

«БМВ» мигнула фарами, снимаясь с сигнализации.

– Рад был навестить вас, экселенц.

– Большая честь видеть вас в посольстве, Ваше Сиятельство. Нижайше благодарим вас за визит.

Проводив взглядом «БМВ», огляделся по сторонам. Уже было жарко, так жарко, что сорочка моментально прилипла

к телу и воздух превратился в дрожащее марево, казалось, что это пляшут джинны.

Варфоломей Петрович ждал у двери, не осмеливаясь выйти на солнцепек.

– Ваше Превосходительство...

– Знаю... Мы молодцы. Никто и никогда не делал такого, что сейчас сделали мы.

– Ваше Превосходительство, у вас еще один посетитель.

Я вспомнил идущего к зданию посольства неизвестного.

– Кто именно?

– Сэр Уолтон Харрис, второй баронет Харрис, чрезвычайный и полномочный посол Британского содружества.

Вот как... Вероятно, он весь изошел ядом, когда встретил шахиншаха в посольстве, вот так вот, неофициально.

– Это так здесь принято – отдавать визиты без предварительного уведомления?

– Нет, Ваше Превосходительство, здесь так не принято. Я сам теряюсь в догадках, что заставило сэра Уолтона посетить сегодня нас.

Может быть, мое нежелание нанести визит первым и представиться? А может, любезно сообщить о том, что правительство Ее Величества разыскивает меня по обвинению в убийствах и терроризме. Интересно, что сейчас происходит в Белфасте?

– Где он?

– Ваше Превосходительство, я осмелился препроводить

сэра Уолтона в Ваш кабинет, предварительно забрав все подписанные Его Светлостью бумаги.

– И правильно сделали, сударь. Денежное поощрение за этот месяц за успехи в работе я вам гарантирую.

...Сэр Уолтон в мое отсутствие просто стоял у окна и смотрел на что-то, находящееся в саду, – возможно, он пытался разглядеть из наших окон свое посольство, располагавшееся по соседству. Из-за большого сада сделать это было невозможно – сам пробовал. Заслышав мои шаги, он повернулся – солнце, нещадно бьющее в окна, осталось за его спиной, и фигуру посла словно окутал солнечный, переливистый нимб.

– С кем имею честь, сударь? – спросил я, как подобало по правилам этикета, хотя и знал ответ. Спросил на английском – языке гостя, что было проявлением уважения, и никак не унижало говорившего, как некоторые полагали.

– Сэр Уолтон Харрис, второй баронет Харрис, генерал от авиации Ее Величества в отставке, чрезвычайный и полномочный посол Британского содружества в Персии.

Сэр Уолтон протянул мне свою визитку – протянул сам, хотя, если следовать этикету в точности, ее должен был подносить слуга на серебряном подносе. Я принял ее и вручил в свою очередь свою.

– Князь Александр Воронцов, контр-адмирал флота Его Величества Императора Александра, чрезвычайный и полномочный посол Российской империи в Персии.

– Очень приятно.

– Сэр, может быть, присядем. Виски?

– Прошу вас, минеральную воду, если есть. Для виски сейчас слишком рано и слишком жарко.

– Вы совершенно правы, сэр. – Руки открывали большую бутылку «Боржоми», а мозг работал на полную мощность. – Позвольте полюбопытствовать, сэр, не приходится ли вам родственником сэр Тревис Харрис, маршал авиации Ее Величества?

– Это мой отец, сэр. Ему было бы приятно узнать, что в России его помнят и по сей день, даже после его кончины.

Да уж, помним...

– Мы помним вашего отца. Помним как храброго воина и полководца, сэр. Русские всегда уважали отважных людей.

– Приятно слышать, сэр. В свою очередь позвольте полюбопытствовать, где вы так хорошо научились говорить по-английски?

– Сэр, в России знание двух иностранных языков является обязательным минимумом для любого окончившего высшее учебное заведение человека, неважно, гражданское или военное. Английский язык популярен в Российской империи и по популярности лишь ненамного уступает немецкому. Что же касается меня, сэр, то в детстве у меня был хороший репетитор, сэр, обучивший меня всем тонкостям вашего языка.

– Вероятно, ваш репетитор был родом из Северной Ирландии, сэр, – как бы мельком заметил сэр Уолтон, – у вас в

речи чувствуется североирландский акцент.

– Так оно и было, сэра.

Дипломатия – это искусство говорить мягко жесткие вещи...

– Просто удивительно, – заявил сэра Уолтон, отхлебнув из бокала напиток, – что это, сэра? Никогда не пробовал.

– Это «Боржоми», сэра. Минеральная вода с гор Кавказа.

– Просто удивительно. Вы не знаете, ее можно купить в Великобритании?

– Нет, сэра. Эта вода, равно как и многое другое, запрещена к ввозу на территорию Соединенного королевства. Ее Величество считает, что, покупая эту воду, ее подданные будут поддерживать русских, угнетающих свободолюбивые кавказские народы.

Получил?

– Воистину, ради такого чуда можно заняться контрабандой.

– Сэра, если вы на это решитесь – возьмите меня в долю. Но вы так и не сказали мне, что привело вас в мой дом, так рано и без доклада.

– Увы, сэра, дело, не терпящее отлагательств. Я должен вручить вам ноту.

О как!

– Позвольте, сэра, какая может быть нота? Согласно дипломатическому протоколу, ноты имеют право вручать лишь официальные лица страны пребывания. Вам следовало бы

вызвать нашего посла в Британском содружестве, если Ее Величество желает сказать нечто столь важное государю Александру, что для этого требуется вручать ноту. Вы уверены, сэр, что вы должны вручить ноту именно мне и именно здесь?

– Увы, сэр. Я абсолютно в этом уверен. Инструкции, полученные мною из Форин Оффиса, не допускают двусмысленного толкования.

– Запросите разъяснения. Я не могу принять у вас эту ноту, если в точности следовать правилам дипломатического протокола.

– И тем не менее, сэр, я настоятельно прошу принять ее.

Бред какой-то.

– Что же, сударь, если вы настаиваете – я приму ее и передам в Санкт-Петербург. Думаю, Певческий мост¹⁵ даст мне, да и вам какие-то разъяснения по этому вопросу.

Конечно, по протоколу я не должен был это читать. Но протокол и так был безнадежно нарушен, а конверт предумышленно не запечатан.

*Александру
Императору и Самодержцу Всероссийскому,
Московскому, Киевскому, Владимирскому,
Новгородскому;
Царю Казанскому, Царю Астраханскому, Царю
Сибирскому, Царю Херсонеса Таврического, Царю*

¹⁵ В Санкт-Петербурге на Певческом мосту располагалось здание МИД РИ.

Грузинскому,

Государю Псковскому и Великому Князю Смоленскому, Литовскому, Вольнскому, Подольскому и Финляндскому;

Князю Эстляндскому, Лифляндскому, Курляндскому и Семигальскому, Самогитскому, Белостокскому, Корельскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иных;

Государю и Великому Князю Новагорода Низовския земли, Черниговскому, Рязанскому, Полотскому, Ростовскому, Ярославскому, Белозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондийскому, Витебскому, Мстиславскому, и всея Северныя страны Повелителю;

Государю Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкесских и Горских Князей и иных Наследному Государю и Обладателю;

Государю Туркестанскому;

Герцогу Шлезвиг-Голстинскому, Стормарнскому, Дитмарсенскому и Ольденбургскому,

Цезарю Рима, Хану Ханов, Великому Султану Анатолии и Румелии,

Императору Трех Городов – Константинополя, Эдирне и Бурсы,

Владыке Обеих Земель и Обоих Морей,

Покровителю всех правоверных,

Покровителю двух святых городов – Мекки и Медины и прочая, и прочая, и прочая,

Ее Высочайшее Величество Елизавета Английская, Божьей милостью Королева Соединенного Королевства

Великобритании и Северной Ирландии и других ее Царств и Территорий, Глава Содружества, Защитница Веры, Самодержица Орденов Рыцарства

От своего имени и от лица всех жителей Британского содружества

Сим ответственно заявляем:

1. Король Афганистана Гази-шах, несмотря на то, что земля его не входит в Британское содружество наций, а его подданные не являются нашими подданными, находится под нашим высочайшим покровительством и защитой, а его земли следует рассматривать как земли, в которых Британское содружество имеет явные и неоспоримые преимущества.

2. В случае объявления войны королю Гази-шаху со стороны Российской империи либо кого-то из ее вассалов, все страны Британского содружества объединятся в стремлении не допустить враждебной аннексии территории Афганистана и установления там иного режима власти.

3. Во избежание военной конфронтации, не нужной ни одной из сторон, предлагаем прекратить подготовку к вооруженной агрессии против Афганистана и отвести войска от афгано-персидской границы не менее чем на пятьдесят морских миль.

Писано в Лондоне 18.06.2002 г.

***Заверено Лордом – хранителем Печати
Елизавета.***

Я перечитал это раз. Потом еще раз. Потом еще. Не укладывалось в голове. Столь наглая и неприкрытая ложь в сочетании с угрозой требовала достойного ответа.

– Вы читали это сами, сэръ?

– Увы, нет, милорд.

– В таком случае – извольте ознакомиться, сэръ.

– Уместно ли это, сэръ? – поднял брови сэръ Уолтон.

– Уместно, милостивый государь, уместно. Порядок передачи избрали не просто так, и мне сегодня писать послание на Высочайшее имя. Прочтите же!

Сэръ Уолтон достал что-то типа лорнета, неловко держа послание перед глазами, быстро его прочел. Затем вернул мне.

– Нельзя сказать, что я этого не ожидал, сэръ.

– Сэръ, это наглая и неприкрытая провокация, не побоюсь столь жестких определений. Вы, должно быть, понимаете, что тот, кто разговаривает с Россией и с ее Государем в таком тоне, сильно рискует, кем бы он ни был.

– Сэръ, возможно, нашим министрам следует определиться с реакцией на это?

– Определяться будем прежде всего мы, сэръ! Это послание появилось не просто так! Кто-то положил на стол Королеве информацию о том, что готовится вооруженная агрессия. Кто-то убедил ее написать послание сие – и я со страхом, признаюсь, представляю реакцию Государя на это послание. Сэръ, что вам известно об этом?

Британец, видимо, не ожидал такого напора с моей сторо-

ны – какое-то время он сидел молча, продумывая ответ.

– Сэр, это послание и в самом деле явилось результатом долгого и тщательного расследования с проверкой поступивших фактов.

– Проверкой фактов? О каких фактах вы говорите, сэр? Вы говорите о фактах – можете мне представить хоть один факт, неопровержимо говорящий о том, что готовится вторжение?

Британец ошетинился.

– Сэр, я не обязан вам ничего доказывать!

– Сэр, вы желаете потребовать паспорта?¹⁶ – не остался в долгу я.

Сэр Уолтон снова погрузился в раздумья.

– Господин Воронцов... Я могу дать вам некую... информацию, подтверждающую правдивость моих слов и справедливость наших опасений... – сказал он, – но не здесь. Эта информация ни в коем случае не должна покидать стены британской дипломатической миссии, иначе это будет преступлением против Короны. Но я ознакомлю вас с некоторыми документами, сэр, хотя бы потому, что не хочу получать паспорта.

– Вот как?

– Сэр, я хочу вас пригласить в британское посольство. Только там я вас смогу ознакомить с этой информацией, не

¹⁶ Потребовать паспорта – то есть готовиться к выезду из страны. Это делается перед самым началом войны.

вынося ее из здания.

О как! Среди нижних чинов в таком случае говорят – сам-то понял, что сказал?

– Сэр, учитывая тон и характер письма, а оно представляет собой не что иное, как ультиматум, мое посещение британского посольства напрочь исключается до тех пор, пока поднятые в ноте вопросы не получают должного разрешения. Вы понимаете, сэр, что вы угрожаете Российской империи войной?

– Сэр, скорее это вы угрожаете нам войной. Мне поручили передать кое-что вам на словах, чтобы вы ознакомили с этой информацией тех, кого сами посчитаете нужным ознакомить. Старший из принцев Британии, принц Николас, изъявил желание проходить военную службу не на островах, а там, где опасность максимальна, дабы своим мужеством подать пример подрастающему поколению британцев. Ее Величество не смогло отказать внуку в его желании, и два дня назад он прибыл для прохождения военной службы в лагерь британской армии на базе Баграм.

Как бы я ни относился к британцам, но не уважать их в такие моменты было нельзя. Правда, и цесаревич Николай не только служил в десанте, но и не колеблясь пошел на штурм захваченной террористами атомной станции, нарушив прямой запретительный приказ Генерального штаба. Он рискнул и выиграл, освободил станцию и остался в живых.

– Сэр, это совсем недалеко от Туркестана. Да и места там, признаюсь... опасные. Там стреляют и стреляют много.

– Стреляют из оружия, которое вы туда поставляете, сэр. Но мужчины из рода Виндзоров никогда не кланялись пулям и никогда не уклонялись от опасности. Мужчины из рода Харрисов – тоже.

Думаете, мне стало стыдно? Ничуть. Весь стыд сгорел у меня в Бейруте, в расстрелянном и сожженном городе, потерявшем за несколько дней десятки тысяч человек. Стыда больше не было – была лишь ненависть к врагу. И со временем она не ослабевала.

– Похвально, сэр Уолтон, похвально. Но посетить британское посольство я решительно отказываюсь. Поскольку и вы не сможете вынести документы, предлагаю компромисс. У вашего посольства, сэр, насколько мне известно, разбит прекрасный регулярный сад.

– Это так, сэр, и признаюсь – это лучший регулярный сад в стране.

– Несомненно. Вы не откажетесь провести для меня экскурсию по вашему прекрасному регулярному саду, не правда ли, сэр Уолтон? Ведь Великобритании принадлежит вся территория внутри посольства, а не только здание посольского комплекса?

– Да, конечно, сэр.

– Так я могу рассчитывать на экскурсию по саду, сэр Уолтон? В ответ обязуюсь по первому вашему требованию с гор-

достью продемонстрировать наш сад – здесь посажено девятью сортами роз, и это делает честь нашему садовнику.

Сэр Уолтон задумался, решая, может ли он на это пойти. Но ненадолго.

– Полагаю, я могу провести для вас экскурсию, господин контр-адмирал. Буду рад принять вас через час, такое время вас устроит?

– О, вполне...

Надо было подготовиться...

Проводив посла только до дверей посольства, сэр Уолтон уверил меня, что дальше он найдет дорогу сам, – я повернулся к возникшему, как по волшебству, рядом советнику Кондратьеву.

– Командира группы охраны ко мне. Срочно.

Командир группы охраны появился, едва я только успел вернуться в свой кабинет и сесть за стол. В дверной проем он не прошел – протиснулся. Я вообще-то считаю себя довольно высоким человеком, но тут...

– Попробую угадать, – сказал я, – лейб-гвардии Семеновский, верно?

Здоровяк улыбнулся.

– Так точно, Ваше Превосходительство господин контр-адмирал. Командир дежурной смены охраны поручик Его Величества лейб-гвардии Семеновского полка Скобцов по вашему приказанию явился.

А кто же еще, кроме семеновцев? Только в Семеновский полк отбирают – рост от двух до двух десяти. Русские богатыри. Кстати, для работы по охране посольства – не сказать, что нужны именно такие здоровяки.

– По имени как?

– Владимиром назвали...

– Владимир, значит. Ну, вот что, поручик Скобцов, извольте проверить, нет ли рядом с посольством каких подозрительных машин, около ограды, на въезде или что-то в этом роде. Вы меня поняли?

– Так точно, господин контр-адмирал. Разрешите исполнять?!

– Исполняйте.

Пока поручик опрашивал по рации посты, я примерно прикинул, чего можно ожидать. При всем моем небольшом дипломатическом опыте – ноты передаются в запечатанных конвертах непосредственно в Министерство внешних сношений страны, руководителю которой предназначена нота, и передаются они послом, в данном случае – британским послом при русском дворе. Провокация? Нормальная провокация, с подделанным письмом британской королевы. За такую провокацию можно самому – в двадцать четыре часа и с волчьим билетом. Тогда что?

Похищение? Попытка похищения? Скандал до неба – похищение посла одной из сверхдержав на территории посольства другой сверхдержавы. Даже если они надеются меня

идентифицировать как некоего Алекса Кросса – что дальше? Произошедшее будет таким вопиющим нарушением Венской конвенции и прочих дипломатических обычаев, что против Британии ополчатся все – даже ее союзники, такие как САСШ. Это нарушение перекроет все возможные выгоды от открытого процесса над особо опасным террористом. Кроме того, неужели британцы считают, что меня так вот просто можно взять и захватить? А если захватят – дальше что? Как меня вывозить? Куда? Посольство немедленно будет блокировано – и местными силами безопасности, и силами русских экспедиционных войск. Места для посадки самолета здесь нет, вертолет просто не пропустят, да и лететь ему некуда. Попытаются сразу вывезти, пока не опомнились и не блокировали посольство? Более вероятно, но куда? Через Афганистан, имея на хвосте русских?

Отпадает, однозначно.

Хотят убить? Рассчитаться за Белфаст? А почему на территории посольства, ведь это явный *casus belli*¹⁷. Почему на территории посольства, неужели меня нельзя грохнуть дома или в городе и списать это на местных исламских экстремистов? Запросто могут вызвать нескольких парней из Пагоды и поручить им это дело. Другой вопрос – сколько они продержатся здесь, если САВАК знает всё и обо всех?

Тогда останется одно. Мне и в самом деле хотят передать информацию. Или дезинформацию. Возможно, люди из

¹⁷ *Casus belli* – повод для объявления войны.

Секретной разведывательной службы сочли меня «слабым звеном», через которое они могут запустить дезу, и она пойдет по цепочке, искажаясь и обрастая достоверными подробностями. Тогда я просто должен принять информацию и доказать им, что они сильно ошиблись в моей оценке.

– Что скажете, поручик?

– Ваше Превосходительство, у ограды посольства стоит непонятная машина, в ней четверо. Номера дипломатические, британские.

Так и есть. Вот ублюдки...

– Господин поручик, извольте отдать приказ сотруднику безопасности, стоящему на воротах. Пусть он подойдет к машине и вежливо скажет тем людям, которые в ней находятся, что делать им здесь совершенно нечего.

Поручик заговорил в рацию, передавая указание. Надо было немного подождать...

– Сколько всего нижних чинов и офицеров в дежурной смене охраны?

– Двенадцать, господин контр-адмирал.

– Так много? – удивился я.

– Так точно. Плюс бодрствующая смена, находящаяся внутри посольства, – еще двенадцать человек.

– Почему так много, поручик?

– Угроза террористических актов, господин контр-адмирал. Посольство охраняется по усиленному варианту, всего на эти цели выделено шестьдесят человек, пять смен, из ко-

торых две в соответствии с графиком сменности должны постоянно находиться в посольстве.

– Есть основания так беспокоиться?

– Так точно. Например, за несколько дней до приезда Вашего Превосходительства совсем недалеко отсюда на улице остановили машину третьего секретаря посольства Австро-Венгрии, ограбили его, избили и угнали машину. Избили его так, Ваше Превосходительство, что он вынужден был немедленно выехать на лечение на воды.

М-да... История... Третий секретарь посольства – это выражение у людей подобных мне вызывает понимающую улыбку. Хаупт-кундшафт-ителле, во всех посольствах третий секретарь – это объявленный резидент разведки. Вот только непонятно, кто же его так... приголубил. В цивилизованных странах надоедливому и перешедшему границы приличий разведчику из посольской резидентуры вручают паспорт и дают двадцать четыре часа на отъезд. А тут, видимо, работают более топорно. Может быть, он так достал всех, что местная контрразведка решила ему так вот отомстить?

– А кто сделал такое?

– Руки с ногой не оставили, Ваше Превосходительство. Признаться, и мне бы легче спалось, если бы я знал, что вы ездите с охраной.

В кармане поручика забурчала рация, тот поднес ее к уху, включил, выслушал.

– Ваше Превосходительство... Они не уезжают, говорят, что улица общая и они имеют право стоять, где сочтут нужным.

– Вот негодяи. Значит, обстановка такова, господин поручик. Через сорок минут меня приглашают прогуляться по саду британского посольства, дабы я мог ознакомиться с типичным образчиком регулярного британского сада. До этого посол Великобритании вручил мне совершенно возмутительную ноту, поэтому у меня есть основания опасаться за свою жизнь и безопасность. Но не пойти я не могу – не имею права. Поэтому поднимайте всех, включая и бодрствующую смену. Вооружение – как на случай нападения террористов. Если они хотят сыграть с нами в игру, мы примем вызов. И... есть ли у вас бронезилет скрытого ношения?

– Найдется, Ваше Превосходительство. Может, вам нужно и оружие?

Вместо ответа я забросил в сейф ноту в открытом пакете, захлопнул дверь сейфа, на слух проконтролировав срабатывание запирающего дверцу замка. Затем достал из верхнего ящика стола свой «браунинг».

– Пистолет у меня есть, поручик. Здесь и в самом деле порой бывает опасно.

...Примерно через полчаса ворота посольства Российской империи распахнулись и из них выкатились два внедорожника «Егерь», в каждом из которых было по четыре человека. Через затемненные стекла видно не было, но если бы кто

смог проникнуть взглядом через эту черноту, то увидел бы, что сидящие в машинах люди в военной форме и вооружены. В каждой машине имелись не только автоматы, но и пулемет – к вопросу безопасности посольств Российская империя после убийства Грибоедова подходила основательно.

Одна из машин остановилась так, чтобы блокировать одновременно и улицу, и британскую машину – британцы ничего предпринять не осмелились. Вторая машина встала так, чтобы блокировать ворота британского представительства, а при необходимости – и протаранить их. Естественно, охранявшие британских дипломатов специалисты из полка Герцога Йоркского предъявили претензии, на что получили ответ, что улица общая и русские тоже имеют право на ней стоять, где пожелают.

На крышу нашего посольства поднялись два снайпера, еще два были в полной готовности вместе с тревожной группой. Обеим сменам – и дежурной, и бодрствующей – раздали бронежилеты и тяжелое оружие, включая гранатометы. Часть бодрствующей смены вышла в сад и заняла позиции, часть осталась в здании посольства. Конечно, никто британское дипломатическое представительство штурмовать не собирался, но дать британцам понять, что шутки неуместны, было нужно. Я прожил в метрополии не один год, знал и страну, и присущую британцам привычку без предупреждения наносить сильнейший удар в челюсть. Другим народам такой способ решения конфликтов не был свойствен, рус-

ские, к примеру, всегда предупреждали: «Иду на вы». Вот мы сейчас как раз и предупредили.

Ровно за пять минут до назначенного срока из ворот посольства вышел я. Одет я был намного теплее, чем стоило бы в такую жару, но иначе невозможно было скрыть ни бронежилет, ни пистолет. Вдобавок к этому у меня имелся маячок, позволяющий отслеживать мое местонахождение в пределах пары километров. Он был приклеен прямо к телу на ноге – нечто вроде пластыря. Обливаясь потом, расстреливаемый прямым солнечными лучами, я преодолел дистанцию от одних ворот до других, мельком оценил ситуацию на улице (переборщили, у всех нервы на взводе, а пальцы – на курках) и несильно постучал в окованные железом двери британского дипломатического представительства. Выглядело это глупо, но эти игры так и играютя.

Дверь открылась почти сразу, и в десятке сантиметров от своего живота я увидел дуло автоматической винтовки «Стерлинг». Рыжий тонкошейй уроженец Соединенного королевства нацепил большой кевларовый шлем с маскировочной сеткой на нем, и от этого по его лицу пот тек буквально ручьями, а сам он, в шлеме и в бронежилете, находился на грани теплового удара. Если бы не винтовка, всё это было бы достаточно комично.

– Сэр?

Выговор я узнал – типичный bite¹⁸...

¹⁸ Bite – на сленге так называют уроженца Йорка, откуда и комплектуется полк

– У меня встреча с сэром Уолтоном, – сказал я, – извольте доложить, молодой человек.

Молодой человек был, видимо, или слишком плохо воспитан, или слишком напуган – он захлопнул дверь перед моим носом, и я остался стоять на солнцепеке. Если этот bite не вернется вовремя, то солнечный удар грозит уже не ему, а мне.

Сэр Уолтон не заставил себя ждать – не успел я вытереть лицо (рукавом, извините, платок был мокрым насквозь) в третий раз, как калитка в двери распахнулась, и наружу выглянул сэр Уолтон Харрис.

– Сэр, добро пожаловать на землю Британии.

– Спасибо, – я шагнул внутрь, – признаться, сэр, я бы сейчас предпочел хоть на минуту оказаться где-нибудь на Земле Королевы Мод¹⁹.

Посол рассмеялся – мне показалось, что искренне.

– Вы не одиноки в своих желаниях, сэр. В беседке сервирован столик для чаепития. Горячий чай²⁰, он лучше всего спасает от жары. Пройдем сразу в беседку, господин посол, или всё-таки посмотрим сад?

– Не осмотреть такой сад было бы кощунством, сэр.

Под мышкой у сэра Уолтона зажата небольшая папка.

– Тогда прошу, сэр.

герцога Йоркского.

¹⁹ В Антарктике.

²⁰ Это и в самом деле так, если в жару пить холодное – будет только хуже.

Оставив позади нервничающего йоркца, мы неспешно направились в глубь сада.

Сад и в самом деле был хорош – в России таких не было. В России вообще очень мало регулярных садов, не лежала к этому душа у наших. В типичном русском поместье был парк, где деревья, в том числе экзотические, росли, как им вздумается, а все вмешательство человека ограничивалось подкормкой, борьбой с вредителями и сбором хвороста. Русские не вмешивались в природу, они не пытались придать дереву форму шара или куба, они просто принимали дерево таким, какое оно есть, и жили рядом с ним.

Это кстати характерно и для других сторон жизни. В отличие от британцев, мы не пытались сделать русскими, например, турков. Турки оставались турками и были такими же полноправными подданными Его Величества, как русские. Да, были законы общие для всех, и их полагалось соблюдать. Да, на Восточных территориях в некоторых местах местными законами, например, от женщин требовалось ношение паранджи – и закон уважали, а полиция следила за его исполнением. Ношение паранджи было обязательным по закону в Мекке и Медине, а это крупные города с населением несколько миллионов человек каждый. Но одновременно рядом росли огромные космополитичные города – Константинополь, Багдад, Измир, Бейрут, Дамаск. Кто хотел, тот мог просто уехать туда и жить уже не в девятнадцатом веке, а в двадцать первом, не носить паранджу и заниматься сексом

до брака. Если кому-то не везло и он родился содомитом, то мог уехать в Варшаву, где принимали и таких. У каждого было самое главное – был выбор. А вот если кто-то пытался воспрепятствовать этому выбору, те же исламские экстремисты, которые заявляли, что русские совращают арабскую молодежь, вот тут уже вмешивалось государство. Потому что у каждого было право выбора, где и как жить, и остальные должны были этот выбор уважать. Нельзя силой загонять молодежь в рамки каменного века.

А вот британцы действовали по-другому. В Австралию, например, они ссылали уголовников – и можете представить, что там теперь было за общество. В британской Индии процветало угнетение, причем повсеместное, там некуда было уехать. Да, там были огромные города, в которых численность населения достигала пятидесяти миллионов – тот же Бомбей с пригородами и городами-спутниками. Но это были не города, это были язвы на теле оккупированной уже почти триста лет страны. Нищета, недостроенные бетонные муравейники, набитые несчастными индусами, грязь и смрад на улицах, рикши – повозки на мускульной тяге. И контраст – у самого океана окруженные пятиметровым сплошным забором жилища британских владык.

Мне вспомнился случай, о котором долго шумели в прессе – еще тогда, когда моим домом была съемная мансарда на окраине Белфаста. Подданная Ее Величества, полная благих побуждений, направилась в британскую Индию, дабы помо-

гать несчастным. В довершение картины она была еще и голубых кровей, даже дальняя родственница Ее Величества.

Прибыв в Бомбей, она несколько дней пожила на охраняемой территории, дожидаясь, пока доставят продукты лекарства и прочее, что она насобираала в рамках благотворительной программы. Когда всё это прибыло, она несмотря на категорический запрет полицейского суперинтенданта, отвечавшего за безопасность ее и других подданных в этом месте, буквально сбежала в город без охраны. Поиски продолжались несколько дней. Наконец-то несчастную молодую герцогиню какую-то там нашли, верней, нашли ее труп. Перед смертью, как установила экспертиза, ее зверски и неоднократно насильовали, а потом, испугавшись облав, убили. Преступников, естественно, не нашли, но в ходе карательных операций убили или поймали и отправили на виселицу многих.

Британская пресса захлебнулась в возмущении – тема не сходила с первых полос целый месяц. Клеймили всех: полицию – за неспособность обеспечить безопасность британских подданных на земле, принадлежащей Ее Величеству, либералов – выступающих за смягчение политики на колониальных территориях, партии власти – за мягкость и либерализм. Всем сестрам по серьгам раздали и успокоились.

Правы ли они были? На мой взгляд, взгляд русского человека, волей судьбы оказавшегося в Великобритании, нет. И параллелей с Восточными территориями проводить не надо

– их нет, они здесь неуместны. На нашей земле у каждого есть выбор – жить так или иначе. Хочешь – окончи гимназию и работай в поте лица на земле, как работали твои деды и прадеды. Хочешь – стремись к лучшему, иди в армию, поступи в университет, открывай свое дело, работай и добивайся в жизни успеха. В армии никто даже не подумает сделать начальным званием для русского «майор», потому что русский не может подчиняться арабу. Докажи, стань офицером, и русские будут подчиняться тебе беспрекословно. И поэтому ненависть некоторых арабов к русским не от безысходности, как в Индии, не от угнетения, нет... Она от того, что молодой араб, окончивший, к примеру, Его Величества Багдадский Политехнический и работающий в научной лаборатории, не бросит свои эксперименты и не встанет на намаз по первому зову азанчи. Вот за это они нас так ненавидят, за то, что сверхпроводимость намного интереснее Корана.

А вот в Индии именно безысходность. Иных путей, кроме как быть в услужении у белых сахибов²¹, для индусов нет. Почти весь крупный бизнес – британские монополии. В Британии вообще полно монополий, государственных или полугосударственных – Бритиш Гас, Бритиш Рейл, Бритиш Телеком, Роял Орднанс. И безысходность очень быстро перерождается во всепоглощающую ненависть, при которой смерть, любая смерть – это избавление.

Да, и у нас беспокойно, верно. Но у нас нет дураков. И

²¹ Сахиб – господин.

никто из русских не пойдет в беспокойный район без пистолета или винтовки. Никто из русских не будет питать иллюзий и считать исламских террористов, фанатиков борцами за веру и угнетенными. Есть, конечно, и такие люди, особенно в столицах, но им слова не особенно и дают. И если уж кто-то решил пойти к исламистам с распростертыми объятьями и без оружия, это его личное дело. Найдут убийц – накажут по закону, но мстить, совершать карательные рейды, вешать первых попавшихся никто не будет.

Каждый выбирает свою судьбу сам.

– Сэр...

Я повернулся.

– Извините?

– Вы едва не наткнулись на этот куст.

Куст и впрямь был хорош. В форме шара.

– Извините, я просто засмотрелся. Удивительно, просто живые скульптуры.

– Это так, сэр. Сейчас какие-то сумасшедшие ученые проводят эксперименты, пытаюсь вывести породы деревьев и кустов, которым сама природа придаст правильные геометрические формы. Но разве это будет настоящим английским садом, если его не придется каждый день подстригать и приводить в порядок?! Нет, сэр! Ведь тогда британцы перестанут быть британцами, они перестанут помнить про свою обязанность – подстричь сад, подровнять газон и делать это каждый день, не пропуская ни единого! Ходят слухи, что бри-

танцы весьма необязательные люди, но эти слухи про нас распускают римляне! Те, которые несколько веков назад еще были варварами и носили звериные шкуры, а теперь рядятся в римские тоги. Настоящий британец никогда не забудет подстричь свой газон, поскольку он знает, что до этого тот же газон подстригал его отец, и дед, и прадед и достаточно несколько дней небрежения, чтобы насмарку пошла вековая работа его предков. Британия гордится своими традициями, сэр.

Лично я в этот момент больше озабочен был не британскими традициями, а вон той зеленой изгородью, за которой явно кто-то находился.

– Сэр, а что вы можете сказать про традиции России? – спросил меня сэр Уолтон.

– На удивление немного, сэр, за исключением праздников, которые мы празднуем. Масленица, например – праздник проводов зимы, в этот праздник положено есть блины, потому что после Масленицы наступит Великий пост. Есть традиции в русской аристократии, но они касаются только ее, сэр.

– Это печально. Традиции – повивальная бабка могущества, как говаривал один из мудрецов.

– Сэр, нашей стране, поверьте, хватает могущества, – не имея никакого камня за пазухой, просто констатируя факт, сказал я.

– Это мы знаем, – с унылым видом подтвердил посол Хар-

рис, – и именно об этом я и хочу с вами поговорить. Мало быть могущественным, надо еще умело распоряжаться своим могуществом. Взять наш флот – пусть в нем столько же вымпелов, сколько и в вашем, и даже больше, но на нашей стороне многосотлетние традиции, делающие нас сильнее!

Это содомия, что ли?

– Сэр, как контр-адмирал флота, скажу вам: не думаю, что многосотлетняя традиция защитит от стаи ПКР «Москит», прорывающейся к авианосному ордеру.

Разговор пошел куда-то не туда.

– Сэр, может быть, присядем? – Посол любезно указал на беседку, увитую плющом, чуть подсохшим. – Здесь нас ждет благословенная тень, большая ценность в такую жуткую жару, и сервированный столик с чаем. Чай, кстати индийский, с высокогорных плантаций.

– Великолепно, сэр. У нас хороший чай растет только в Грузии и кое-где на Востоке. А в России очень любят чай, и мы вынуждены большую часть закупать у вас. Выдам вам военную тайну: лишите нас индийского чая – и вы снизите боеспособность армии, потому что к кофе у нас мало кто привык, и кофе вообще не очень любят.

– Сэр, мы не такие варвары, чтобы лишать кого бы то ни было возможности выпить индийского чая.

– Рад это слышать. Признаться, и мне было бы тяжело без чая.

Чай и впрямь был хорош – чуть остывший, не обжигаю-

щий, – но в самый раз. Тем более что из-за бронежилета да на жаре я сильно взмок и потерял столько жидкости, что в любой момент мог просто грохнуться в обморок.

– Великолепно, правда?

– Совершенная правда, сэр. Британцы знают толк в маленьких радостях жизни.

Посол подмигнул.

– Это правда, сэр. И стоит ли лишать этих маленьких радостей и нас, и себя?

– Помилуй бог, сэр. Никто не собирается этого делать.

– Сэр, я хочу верить вашим словам, но факты, увы, убеждают меня в обратном.

– Продемонстрируйте мне хотя бы один факт, сэр, и уверен, что смогу развеять ваши опасения...

– Хотелось бы, сэр. Вы раньше имели дело с фотоснимками со спутника?

– С изображениями?²² Безусловно.

– Тогда прошу.

Из папки, которую посол не выпускал из рук, даже когда пил чай, появились изображения. Их было много.

– Лупу, сэр?

– Да, благодарю.

Приняв от сэра Уолтона небольшую, в медной оправе, но

²² Изображения – так специалисты по разведке называют спутниковые снимки. Употребив это выражение, князь Воронцов показал собеседнику, что он, как говорится, в теме.

довольно мощную лупу на ножках – такой пользуются библиофилы, – я положил изображения на стол, начал просматривать их одно за другим. Делать это было непросто – нужно было постоянно помнить, что ты на чужой, на британской земле и постоянно быть настороже в ожидании подвоха. Даже чашка с чаем – признаюсь, я внаглую взял не ту, что стояла передо мной, а ту, что стояла перед сэром Уолтоном, подвинув ему мою. А то мало ли...

– Где это было снято?

– Сэр, перед вами – район города Заболь. Вторая группа изображений – южнее, район Шахр, почти на самом побережье. Там наши страны граничат напрямую.

– Да бросьте, сэр Уолтон. Напрямую...

– Сэр, несмотря на вассальный договор, мы считаем, что в военном плане территория Персии – это территория Российской империи. Да и в других планах – тоже.

– Благодарю. Но это не совсем так.

Если бы мне задали вопрос, что изображено на снимках, я бы ответил – это либо учения, либо готовящаяся к вторжению армия. Запечатленная конфигурация частей и соединений была типична для наступательных операций.

Запомнив всё, что возможно, я отложил в сторону лупу, вернул изображения.

– Сэр, вы считаете, что эти изображения доказывают наши агрессивные намерения?

– Неопровержимо, сэр.

– Господи, это всего лишь учения.

– На самой границе, сэр?

– Ну, хорошо, хорошо. Кто-то погорячился, неправильно выбрал район учений. Стоит ли из-за этого поднимать такой шум, сэр?

– А что вы скажете про расконсервацию полевых аэродромов?

– Сэр, это типично для крупных учений. Проверяется инфраструктура, вы же военный человек, офицер, и должны понимать...

– И отработка применения ядерного оружия – тоже типичное задание для крупных учений? – тихо спросил посол Харрис.

Наступила тишина. Звенящая, разбавляемая только деловитым жужжанием одинокого шмеля, садящегося на розовый куст в поисках сладкого лакомства...

– Сэр, извольте объясниться, – сказал наконец я, – вы высказали слишком серьезные обвинения и должны объясниться.

– Я никому ничего не должен, сэр, – ответил сэр Уолтон, – и уж тем более – вам. Если вам что-то послышалось, то, должно быть, вы просто бредите из-за жары. Признаюсь, эта жара лишает рассудка и меня. Еще чаю, сэр?

18 июня 2002 года

Персия, Тегеран

Здание Министерства обороны

Здание Министерства обороны, разросшееся от своего первоначального проекта больше чем вдвое, располагалось на Дабестан-стрит в районе Аббас-абад, совсем рядом с «Зеленой зоной», но не входя в нее. Тем не менее этот район можно было бы назвать «Зеленой зоной» с гораздо большим правом, чем тот район, где жили мы: Аббас-абад был самым зеленым местом Тегерана. Два крупных парка – притом, что в остальном городе подобных мест почти совсем не осталось из-за плотной застройки и дороговизны земли.

Аппарат ГВС – главного военного советника – занимал тут целое крыло здания, по моему мнению, штат был раздут раза в два. Типичная проблема нашего военного министерства (название «Министерство обороны» на заграничный манер как-то не приживалось) – с давних времен за службу на Востоке платят полтора оклада, и выслуга также идет – два дня за три. Вот и раздувают штаты всеми возможными способами, а министр вынужден указом ограничивать срок службы нижних и средних чинов здесь двумя годами. Потому что слишком много желающих. И от этой текучки кадров тоже не следует ждать ничего хорошего.

Но это не мои проблемы. Собственно говоря, я вообще не собирался соваться к ГВС, нечего мне здесь было делать, но сейчас возник вопрос, который можно было прояснить только здесь.

На дверях стояли местные, почему-то разодетые, как павлины, и с церемониальными карабинами начала века. Штыки хромированные, длинные – красиво... Вот только этими штыками польза от подобного «оружия» исчерпывается.

Настоящая охрана была внутри – несколько волкодавов, с рациями, в легких бронежилетах под пиджаками (почему-то они были в гражданском) и с оружием, выпирающим из-под этих пиджаков слева. Судя по габаритам, даже не пистолеты, а короткоствольные автоматы.

Пройти мне дали всего два шага – один из волкодавов выделит незнакомого человека и сразу оказался рядом со мной.

– Сударь, здесь ограниченный допуск. Попрошу представиться. Вы приглашены?

По крайней мере – вежливый. Видимо, учат здесь, как следует.

– Нет, я без приглашения. Извольте доложить наверх о моем прибытии.

– Как вас представить, сударь?

– Посол Его Величества в Персии, контр-адмирал флота, князь Воронцов.

Представление произвело впечатление, но в само здание меня не пустили, с должной вежливостью препроводили в

комнату для ожидания. Она была пустой, хорошо обставленной, видимо, предназначалась для важных гостей. Кожаные диваны, столик, растения в кадках – настоящие, а не пластиковые, как часто бывает в последнее время. Работал кондиционер, а большего при такой жаре и не требовалось. С наслаждением я ощутил, как пропитавшаяся за время поездки потом сорочка отстает от тела. При такой жаре сорочки надо менять, по меньшей мере, десять раз в день, и всё равно не поможет. Жара убийственная в прямом смысле этого слова.

Сопровождающий спустился минут через двадцать, заставив меня начать раздражаться. Внешний вид его тоже вызывал раздражение – типичная «кабинетная крыса», только начинающая. На вид меньше двадцати пяти, а веса лишнего килограммов тридцать уже нажил. На полосу бы препятствий его да прогнать пару раз да по такой жаре месяц так, и лишних килограммов как не бывало. Но нет, такие покупают препараты различные от ожирения, на диеты садятся... Как женщины, прости господи.

– Князь Воронцов? – спросил он, пытаясь отдышаться после бега по лестнице и осматриваясь так, как будто в комнате спрятался кто-то еще.

– Собственной персоной, поручик. Кстати, если вы забыли правила этикета, то я напомню – Ваше Превосходительство.

– Так точно, Ваше Превосходительство, – послушно повторил поручик с лишним весом, тщетно пытающийся при-

вести в порядок свое дыхание, – генерал от артиллерии Скворец изволят ожидать вас в своем кабинете.

– Изволят ожидать... Тогда не будем заставлять генерала ждать слишком долго...

В аппарате ГВС, как и в любой плохо построенной организации, куча народа. В коридорах все спешат, с умным видом переговариваются. Вся эта картина вызывала у меня только один законный вопрос: если столько народа сидит в аппарате, то сколько же находится в войсках? Советник должен быть в войсках, он должен постоянно контролировать и направлять процесс боевой подготовки личного состава, лично работать над повышением квалификации командного состава части. Он должен лично вникать во все – чем кормят личный состав, почему не проведены положенные стрельбы, полностью ли выполнены регламентные работы по обслуживанию техники в парковый день. Не пустили ли налево солярку и продукты для котлового довольствия. Проходит очень, очень много времени, прежде чем местные военные начинают понимать, что к чему. Начинают понимать, что парковый день, например, – это не нежданно свалившийся дополнительный выходной, а день самой тяжелой работы, что сложная техника нуждается в регулярном осмотре и замене важнейших узлов и деталей, причем не тогда, когда они ломаются, а тогда, когда это предписывает руководство по эксплуатации. А если часть получает новую технику, вместе с ней руководство по эксплуатации, которое механики по-

вертят-повертят в руках, да и отнесут в сортир на бумагу – хорошего ждать не стоит. Ей-богу, вернусь – обращу внимание Николая на то, что здесь происходит. Надо закрывать эту синекуру...

Поднялись по лестнице на пятый этаж, потому что лифт был переполнен. Здесь было намного тише, люди по коридорам не толпились, а промежутки между дверьми в стене были раза в два больше, чем на предыдущих этажах. Из-за одной из дверей, несмотря на звукоизоляцию, доносился негромкий, но отчетливый трехэтажный мат.

Провожатый толкнул одну из дверей, мы зашли в присутствие. Довольно большая комната, заполненная людьми в форме и с папками, причем большей частью – персами, а не русскими. Что здесь делали персы – непонятно, и какого черта они докладывали сюда, а не по собственной подчиненности – тоже непонятно. Вероятно, тут имела место еще одна типичная ошибка советников – советник должен научить подчиненного что и как делать, а не делать всё за него сам. На Востоке, если видят, что ты готов взвалить работу на себя, на тебя ее и свалят, причем с удовольствием, а сами будут бездельничать. Таков Восток – если ты подставляешь спину, будь уверен в том, что на нее усядутся семеро.

Ожидающие доклада взглянули на нас безучастно и вновь погрузились, кто в полудрему от жары, кто в тихие разговоры друг с другом. Недовольства по поводу того, что мы входим к генералу без очереди, никто не выразил – видимо, привыкли.

Генерал Скворец был крупным, массивным, чем-то похожим на танк старой модели – такая же стальная глыба, прущая на тебя. Несмотря на жару, китель застегнут на все пуговицы, лысина обильно покрыта капельками пота. Сюрпризом было то, что в кабинете находился еще один человек – молодой, длинный, выбритый до синевы, с аккуратным, математически выверенным пробором в иссиня-черной шевелюре.

Первым зашел адъютант или помощник, или кто там доложил. Когда я входил, и генерал, и этот второй, штатский, уже встали...

– Господин посол... очень приятно познакомиться... Мы с Олегом Дмитриевичем только что разговаривали, и представьте себе, о вас.

Голос генерала был сильным, прокуренным, рука вялой и потной. Кровяные капилляры на носу – пьют?

– Вот как? Надеюсь, говорили хорошее?

– О, сударь, только хорошее. Олег Дмитриевич посылал вам и вашей очаровательной супруге приглашение на ежегодный прием, но ответа не дождался. С вами многие хотят познакомиться, и мало кому это удастся.

Похоже, мою супругу половина города знает лучше, чем знаю ее я. Не подумайте плохого, я плохого и не имел в виду. Видимо, суется во все щели.

– Обстоятельства, господа, обстоятельства! – Я повернулся к штатскому.

– Олег Дмитриевич Пескарев, управляющий филиала Атомстроя в Персии. Очень рад познакомиться.

– Контр-адмирал, князь Александр Воронцов. Посол Его Величества при дворе шахиншаха Персии.

– Очень рад, очень рад, – повторил управляющий, которому по виду едва ли было тридцать, – надеюсь, что теперь дела в посольстве пойдут как надо. В последнее время мы э... не слишком ощущали поддержку родного Отечества в своих делах.

Упрек, по-видимому, был справедливым.

– Поверьте, господа, я сделаю всё от меня зависящее для отстаивания интересов России в этой стране.

Про подписанные утром контракты и достигнутые договоренности я не стал говорить, хотя по Атомстрою, если память мне не изменяет, там тоже много чего было.

– Очень рады слышать это, – снова заговорил генерал, – что касается меня, то мой кабинет всегда открыт для вас, да и кабинет Олега Дмитриевича – тоже.

С тех пор как я зашел в кабинет, меня не покидало ощущение, что эти двое, как опытные шулеры, играют, подбрасывая друг другу карты. Смысла этой игры я пока не понимал, но ощущение было, и очень сильное.

– Непременно, сэр. Более того, я приглашаю вас и вашу очаровательную супругу к нам, в Екатеринбург-1000. Это пусть маленькая, но всё же частичка России на этой земле с правами сэттльмента. Мы только в прошлом месяце откры-

ли русский ресторан «Медведь», многие продукты там на самом деле русские, доставляются самолетом. Какая там лосятина, господа, эх... Вымоченная в укусе, и на шашлык.

– Сударь, вы так рассказываете, что не принять приглашение я просто не могу. Решено – в течение ближайших дней я определюсь со временем визита.

Визитная карточка скользнула навстречу мне по столу, я достал свою. Мельком обратил внимание, что на визитной карточке Олега Дмитриевича указано шесть телефонов, в том числе явно телефон правительственной связи.

– Сударь, ходили слухи, что на вас напали, – сказал Олег Дмитриевич, – об этом разговоры ходят по всей русской колонии...

Представляю, какие еще разговоры ходят по русской колонии. Русские колонии за рубежом – это такое место, где тайной не может остаться ничего на свете.

– Можно сказать и так. Когда в Багдаде взорвался отель «Гарун аль-Рашид», я сидел на первом этаже в ресторане.

– Проклятые террористы! – генерал для полноты картины стукнул кулаком по столу, и это ему удалось очень убедительно. – Нигде от них нет покоя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.